

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 32 (4157)

Вторник, 15 марта 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Благороднейшая задача — разоружение!

СЕГОДНЯ, 15 марта, в Женеве начинается свою работу Комитет десяти государств по разоружению. Это новый и важный этап на пути к разрешению волнующей все человечество проблемы. Чувства оптимизма и надежды рождает уже сам факт более реалистического подхода к составу этого важного международного органа: в него входят ныне пять западных государств — США, Англия, Франция, Италия и Канада и пять социалистических государств — Советский Союз, Польша, Чехословакия, Румыния и Болгария. Все помнят, что одним из серьезных препятствий для успеха работы существовавшего долгое годы Подкомитета комиссии ООН по разоружению был состав этого органа, состоявшего из четырех западных держав, придерживавшихся обычно одной позиции, и единственного представителя других взглядов — Советского Союза.

Еще более обнадеживающим обстоятельством является та широчайшая, поистине всенародная поддержка, которая была оказана внесенному из последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН советскому предложению о всеобщем, полном, контролируемом разоружении. Историческое выступление главы Советского правительства Н. С. Хрущева 18 сентября прошлого года на заседании Ассамблеи было единодушно одобрено общественностью всех стран. Его огромную притягательную силу, его реалистичность и осуществимость не отрицают теперь и дипломаты западных держав.

Подлинно новый, новаторский путь к разрешению жгучей задачи разоружения был предложен в тот день Советским правительством. Никита Сергеевич говорил: «Попытаемся взвесить сложившуюся международную обстановку и начать переговоры по разоружению, правительство Советского Союза пришло к убеждению, что самым верным путем к практическому решению главной международной проблемы наших дней — проблемы разоружения — является путь всеобщего и полного разоружения всех государств».

Глава Советского правительства внес ясное, конкретное предложение о мероприятиях, которые могли бы быть реализованы в течение четырех лет на пути к осуществлению намеченной цели: полному и всеобщему, строго контролируемому разоружению.

Конечно, не только в Комитете десяти будет обсуждаться эта проблема. Она займет свое место во всех предстоящих этой весной и летом встречах государственных деятелей. Это будет логическим продолжением тех переговоров и бесед, которые вел Н. С. Хрущев с президентом Д. Эйзенхауэром, во время других своих встреч с представителями иностранных государств в Москве или за рубежом.

Характерно высказывание одного из видных ученых Франции, члена французской и советской академий наук Жака Адамара, сделанное им в связи с предстоящей поездкой Н. С. Хрущева во Францию.

«Я считаю, что этапы деятельности Н. С. Хрущева, все его поездки по Европе и другим странам означают явный прогресс в международном мнении и важное продвижение по пути, ведущему к миру».

Да, явный прогресс «в международном мнении»! Мы видим, как осуществляется стремление великого основателя нашего государства В. И. Ленина — заменить старую, реакционную и буржуазную дипломатию с ее тайнами и «секретами от народа» — дипломатией новой, прямой и открытой, понятной всем и одобряемой народными массами. Ставший ныне могучим, влиятельным и авторитетным, Советский Союз, так же, как

он делал это тогда, когда был еще одним из международных арен, открыто предлагает всем иностранным государствам честные, открытые переговоры по всем важным вопросам. Личные контакты руководящих государственных деятелей, практика которых так успешно применяется главой нашего правительства, стали ныне общепризнанным методом международных отношений. И эти контакты — везе и всюду, при поездке Н. С. Хрущева в США, в европейские и азиатские страны, — сопровождаются контактами с широкими народными массами. Народы Запада и Востока только за последние месяцы узнали о Советском Союзе, о его миролюбивой политике, о жизни и устремлениях строителей коммунизма в тысячу раз больше, чем они могли почерпнуть из сообщений буржуазных газет.

Говорю о предстоящих в ближайшем будущем встречах, Никита Сергеевич подчеркнул в своем выступлении 5 марта в Москве:

«Советский Союз идет на эти переговоры с полной готовностью совместно с другими государствами искать пути к дальнейшему ослаблению международной напряженности и мирному урегулированию спорных вопросов. Мы, со своей стороны, делаем и делаем все необходимое, чтобы создать благоприятную атмосферу для предстоящих переговоров. Мы намерены добиваться успеха будущих встреч. И если наши западные партнеры идут на переговоры с такими же намерениями, можно надеяться на успех встречи глав правительств».

Н. С. Хрущев выразил надежду, что западные державы не будут создавать новых трудностей, что ни одно государство не станет осложнять международную обстановку. Назиние подчеркивать, сколь важно это пожелание.

К сожалению, многие последние политические и военные мероприятия западных держав вызывают беспокойство. Известно всем, что накануне открытия работ Комитета десяти пяти западных участников этого комитета — США, Англия, Франция, Италия и Канада — постарались выработать свою «общую позицию». В этом ничего предосудительного нет. Но невольно создается впечатление, что «согласование» позиции относится не только к вопросу о скорейшем разоружении, но и к вопросу о том, как бы лучше, «получее» этому разоружению воспрепятствовать.

Объединенный, взаимно согласованный проект западных держав еще неизвестен. Но буржуазная пресса уже сообщила некоторые его детали, которые свидетельствуют лишь о желании как можно дальше отодвинуть практическое начало мероприятий по сокращению вооружений. «Разоружение — неувольняемая цель» — озаглавливает свою статью на эту тему американская газета «Нью-Йорк таймс». В статье признается, что советский «четырёхлетний план» обладает такой простотой и размахом, «которые делают его эмоционально импонирующим и политически привлекательным для миллионов людей». А западный план, как осторожно пишет газета, «значительно сложнее». По ее мнению, между двумя планами такая «огромная разница», что переговоры в Женеве затянются на многие месяцы...

Не вызывают оптимизма и дей-

ствия западных держав в рамках военного блока НАТО. Именно теперь, в начале весны этого многообещающего 1960 года, верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Норстад заявил, что в предстоящие месяцы в Западной Европе будут сформированы «многонациональные мобильные силы НАТО особого назначения», оснащенные ядерным оружием. Таким образом, речь идет о дальнейшей концентрации оружия массового уничтожения в районе, где уже сейчас сосредоточены крупные вооруженные силы НАТО и созданы многочисленные военные базы — главный источник напряженности в Европе. При этом совершенно ясно, как это подчеркивается в заявлении ТАСС, что создание «многонациональных мобильных сил» лишь маскирует основную цель этого мероприятия НАТО, состоящую в ядерном оснащении западноевропейских милитаристов и ревизионистов.

Опасно и тревожно именно то, что на новые вооружения открыто тратится много энергии, — это действия, а не слова. В то же время к проблеме разоружения применяются лишь «теоретические» и весьма академические словесности, но действий западных держав за ними не видно. А между тем, каким бы хорошим «предисловием» к работе «комитета десяти» в Женеве могли бы быть практические шаги западных держав — подобные такому шагу Советского Союза, как решение Верховного Совета СССР о новом сокращении Советских Вооруженных Сил на одну треть! Таким действиям равнялись бы все люди на земле. Во много раз укрепилась бы их уверенность в том, что намечавшееся улучшение и оздоровление всей международной обстановки получит дальнейшее благотворное развитие.

Советская общественность горячо желает Комитету десяти успеха в работе.

Страна Лэпия

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ УГОЛ

На двадцатом углу нас просят остаться. Простит сам Козыренко. Но наш капитан

Толя Калинин говорит: «Нужно дальше, на восемнадцатый... Там трудное положение! Там ребята приуныли. Там наш разговор нужен».

Нас отпустили, но пообещали: «Приедем на машине. Мы тоже хотим «разговор» слушать!» На девятнадцатом углу, где мы отмыли рабочие спрятанные наши лыжи и весело общались: — Ничего! Вы нам тоже нужны! Мы живых людей погода не видела!

Пришлось вести переговоры: на восемнадцатом трудное положение. Там молодежь. Там только что ушел бригадир, там люди месяц не были в бане и с августа не видели ни одного фильма, а в августе они тоже не видели ни одного фильма. Но самое главное, на восемнадцатом нет троев для тракторов, и людям нечего делать. Они кричат: «Увольняйте или дайте работу!» Это все мы рассказываем, и нас отпустили. И вот мы здесь. Уже стемнело, нога у зимовья задувала машина. Рабочие подняли голову.

— Автолавка? — Ну... Пойдем, сходим. Через минуту: — Нет! Кажется, кинобудка! — Ну!.. Здорово! Пойдем скорей! Еще пауза. — Нет! Тросы привезли! Точно, не вру!

— Что? Братцы, бежим, тросы привезли! Теперь живем, братцы!.. И вот уже проходит наш «разговор». А потом бывшие солдаты, ступившие у стола, поют песни. До самого позднего часа трубчатое звучат их голоса. И мы не спим — лежим и слушаем.

Забота у нас простая, Забота наша такая — Жалба бы страна родная, И нету других забот!

У всех нас так. Мало ли мелочей, что усложняют жизнь. Это ли главное! Все перевертится, жила бы наша милая, родная, единственная... И нету ничего лучше и надежнее. Родина! За тебя.

Окончание. Начало смотри «Литературную газету» от 10 марта.

Анатолий ПРИСТАВКИН

Для тебя — в зимние, пургой повитые дали, в тайгу. И кто знает, что мы еще можем сделать, если столько в нас силы, данной тобой. От песни колеблется пламя керосиновой лампы. Так вот рождается солнце! С мечты! С песни при керосиновой лампе, от которой болит глаза.

...Меня мое сердце В тревожную даль зовет...

Всю ночь поют солдаты. Выше солдаты.

Сосед недавно в семнадцатом, с семнадцатого угла были переезды

дене четыре девушки. Солдаты, недавно простившиеся с армией, помогали им перебраться, отгородили комнату. В тот день, когда мы приехали, у дверей зимовья, на крыльце, сидели, поживавшие, три парня.

— А это кто? — Да так... Дверь закрыли, а парни остались сидеть. Солдаты еще раз вышли к ним, и мы услышали разговор: — Значит, к девушкам? — И девятнадцатого... — С семнадцатого... — Не пустим! Идите назад. Хотя и знакомые им, а не пустим. У нас своих знакомых много.

И не пускали. Три парня продолжали сидеть на крыльце. Час. Два часа. Был четвертый, ушел. Стали замерзать. Солдаты выглянули.

— Сидят? Вот, черти! Настырные... Эй, значит, к девушкам? — И девять-ушам... — С семнадцатого? Да, прямо-таки.. Ну что с ними делать? Они оклеились холду! Пустить? Эй, вы, идите. Слышите, что ли? Фу, до чего люди любовь доведут!

Блокада окончилась. А на утро один из этих влюбленных ждал со своего угла машину. Оказывается, договорено, что он поедет с невестой к родителям в Покусное. Нужно их благословение. А машины нет и нет. Простое не везет парню. Комсомольскую свадьбу назначили, угол в палатке отгородили... Только ма-

шины нет, чтобы с родителями сговориться! Парень ходит по опустевшему закурию зимовью, закурия, рассматривает «Авиатрасса Москва—Пенки. Пользуйтесь воздушным транспортом». Ишь ты... Он задумчиво крутит коробок. К зимовью подбежал трактор.

— Ва-асиль! Не будет машины, начальство не дало! Хочешь на тракторе, Василий? Это ребята тебе прислали Говорят, раз нет машины, снимай трактор, потому что любовь дело такое! Слышь, Васи-иль? Вся бригада постановила...

НАДА Надя — моя подручка. Она полновозрастная, серые смешливые глаза и большой рот. Она кричит: Это что? А это — я! Я комсорг! Я за вами!

И везет меня в кабине самовоса. — Я, — говорит она, — из Донбасса. Там у нас всякое рассказывали про Сибирь. Рассказывали, что медведи по улицам ходят, что письма никуда не доходят, что хлеб в магазинах не всегда... Подумали мы с мужем и решили: «Давай поедим!»

Дом оставили девочку с моим отцом и по комсомольской путевке... Собирались на Коршунку, не доехали. Работали лесорубами на ЛЭП-110. Потом обиделись все-таки на Коршунку, опять не получились, видите, строим ЛЭП-500. Так вот и вышло, что влюбился в Сибирь. Красиво здесь. Но что-то тянет меня домой. Соскучился я по ребенку. А муж говорит: построим эту трассу, поедем на Коршунку. Да и отец мой не хочет отдавать ребенка. Он так и пишет: «Вы себе в Сибирь еще детей на-родите, а я старый, и внука — мое утешение». Отец у меня хороший. Томе всю жизнь бродил. Он все умел, мой отец, его фамилия Гей, Иван Захарович. Он даже стихи писал. Хотите — прочту? Я их часто вспоминаю, потому что они к моей жизни подходят.

Работы есть тяжелые, Работы есть и легкие. Одним словом, разные: И чистые, и грязные. Но все они полезные, Лишь были б только честные!

Угол заветный, нужно на ближайший угол забраться. Там бригада Юсупова загорают...

БРИГАДИР Юсупов

Юсупова. Пришел бригадир, сердито посмотрел на меня и на вопрос Нади резко ответил:

— А-а! Какая к черту работа! Не завели солдырку, и неделю стоят тракторы, а значит, и люди, ясно?

Он опять сердито посмотрел на меня и уже заговорил, обращаясь ко мне: — Вы понимаете, была большая бригада, а сейчас и народу мало, и тракторов только два! А я точно при помощи расчетов докажу, что, если нам дадут еще два трактора, мы вдвое быстрее очистим лес и дойдем до соседнего участка. Понимаете?

Я сказал, что понимаю, но тракторов дать просто не могут.

— Ясно! — сказал он разочарованно. — Так вы кто же тогда будете? Кто? Писатель? Ага! Это не то... Какой же вы писатель, если тракторов не можете устроить? Вы же пишете, раз писатель? Ну и напишите! Ведь мы работаем хотим! Мы такое можем сделать, а на наш угол не обращают внимания.

— Кто? — Ротфорг, начальник участка! Он артист! Встречается в Братске, шапку снимает, а вот заехать к нам... Горазд месяц. Как будто бонгас нас. Ну, раз обехал, другой, а поговорить надо. Если Магомед не идет к горе... Вот мы однажды снялись всем урлом и двинулись в Покусное ловить Ротфорга! Только беспослезно это было...

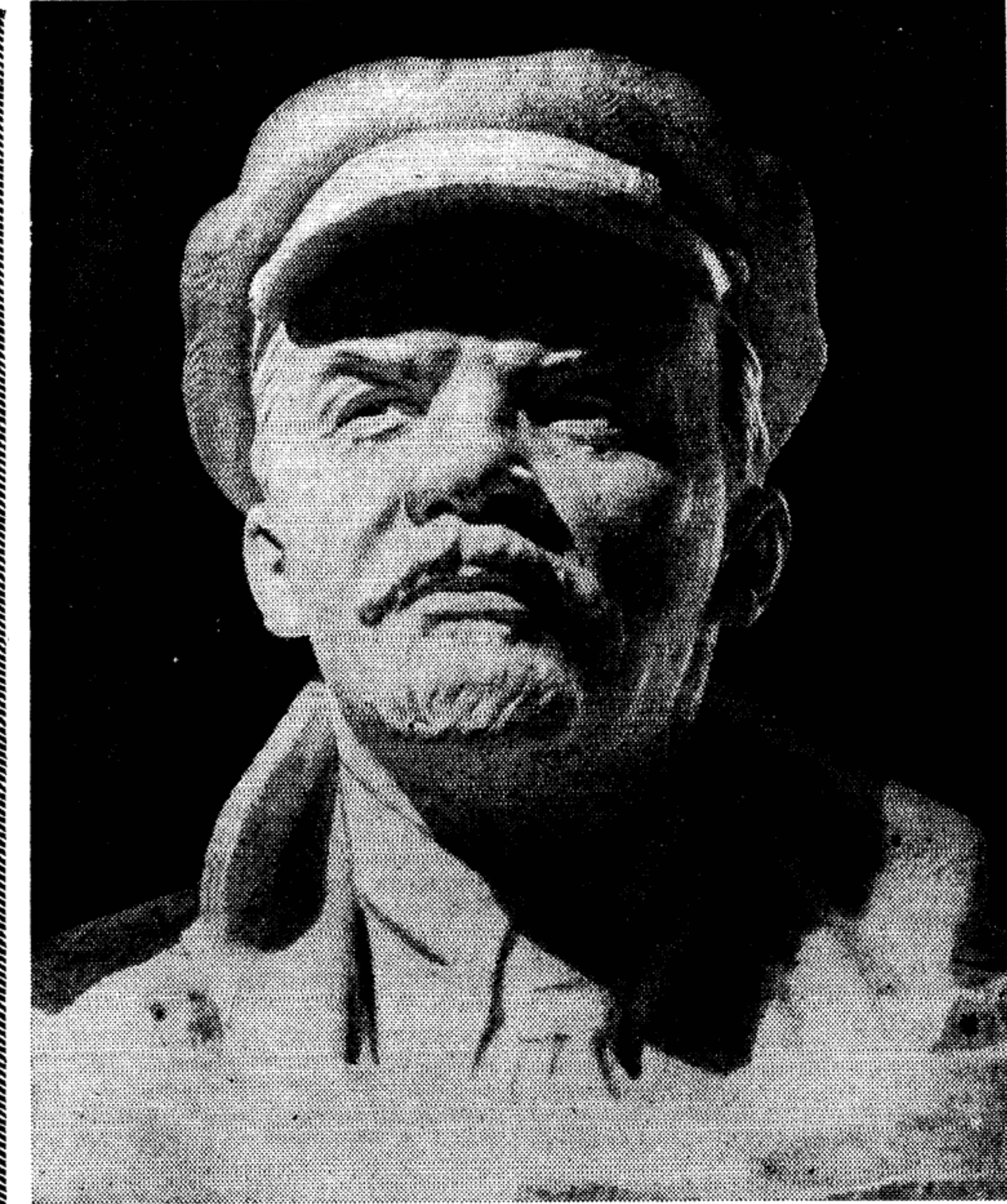
— Не поймали? — Нет, он чувствует. У нас, видяли, на зимовье плакатники прибиты. И есть такой: не трогать трос голыми руками. А кто-то из ребят в шутку вместо слова трос написал — Ротфорга. Видно, ему перепало!

Мы прощаемся с бригадой, выходим. Действительно, все зимовье облеплено желтыми плакатниками в синий цвет. Прибиты они ровно: рядами сверху вниз и еще по длине стенки.

— Пожалуйста, не забудьте написать. И про тракторы, и про солдырку. Мы работать умеем и хотим. А беспорядок этот очень нам мешает.

— Я еду шуметь, Фуат! — кричит Надя, и мы трогаемся. Она говорит: — Я знаю, мне опять влетит, скажут, не в свое дело лезть... Я скандалю, а потом все шишки на меня.

(Окончание на 2-й стр.)

В. И. ЛЕНИН
Работа ленинградского скульптора В. В. Пимчука для выставки «Советская Россия».

ДЕТЯМ И РОДИТЕЛЯМ

Я УВЕРЕН, что Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об организации школ с продленным днем будет встречено с горячим одобрением и, не побоясь этого слова, энтузиазмом и нами, педагогами, и родителями.

Это новое яркое свидетельство большой заботы нашей партии и правительства о дальнейшем развитии народного просвещения и коммунистического воспитания в стране. Оно как бы вообрало в себя мысли и стремления широких кругов учителей и родителей, учю и обогатило уже накопленный опыт: ведь в Москве, в Брянской, Тульской областях во многих колхозах уже существуют школы продленного дня. Но этим школам было трудно, потому что их существование зависело от энтузиазма педагогов, родителей и доброй воли районных отделов народного образования.

Теперь организация школ продленного дня стала государственным делом. Их жизнь точно, ясно и разумно определена этим постановлением.

Что это означает — ясно каждому. Прежде всего огромное усиление воспитательной роли школы: педагогический контроль за самостоятельной учебной работой школьника, правильная организация его отдыха, разнообразных и увлекательных занятий, своевременное питание. Мы в недалеком будущем перестаем говорить о так называемом дурном влиянии улицы. А какие новые возможности открываются для нас, педагогов, в формировании склонностей, призвания будущих граждан нашей страны! Наконец, какое это облегчение родителям, занятым в течение дня на производстве!

Все это очевидно. Но сейчас мне хотелось бы сказать о том, какие новые задачи возникают перед школой в связи с этим постановлением. Если отвлечься от организационной стороны дела (самой по себе очень важной и потребовавшей много сил, энергии) и говорить только о «чистой педагогике», то ведь здесь еще много неизведанного, нерешенного.

В самом деле, как правильно организовать чередование учебной работы и отдыха школьника, занятий физической культурой и, скажем, эстетического воспитания (а для этого также теперь появились новые широкие возможности)? Как организовать для малышей игровые часы, в какой последовательности? Одним словом, если можно так сказать, какова «методика продленного дня»?

Опыт у нас пока что небольшой, да и научными рекомендациями мы небогаты. Я думаю, что нам нужны своеобразные «программы продленного дня» (пусть в самом общем виде) для детей разных возрастов. И тут необходимы активная помощь Академии педагогических наук, самое деятельное участие врачей, психологов, детских писателей, которые, к слову сказать, должны быть более частыми гостями в школе. А главное, конечно, — широкое творческое инициативное участие и родителей.

Координацию всех усилий в этой области должно на себя взять, в мой взгляд, Министерство просвещения.

Итак, работа нам всем предстает большой, напряженной и радостной!

Р. КОСТАШКИН,
директор 544-й московской школы

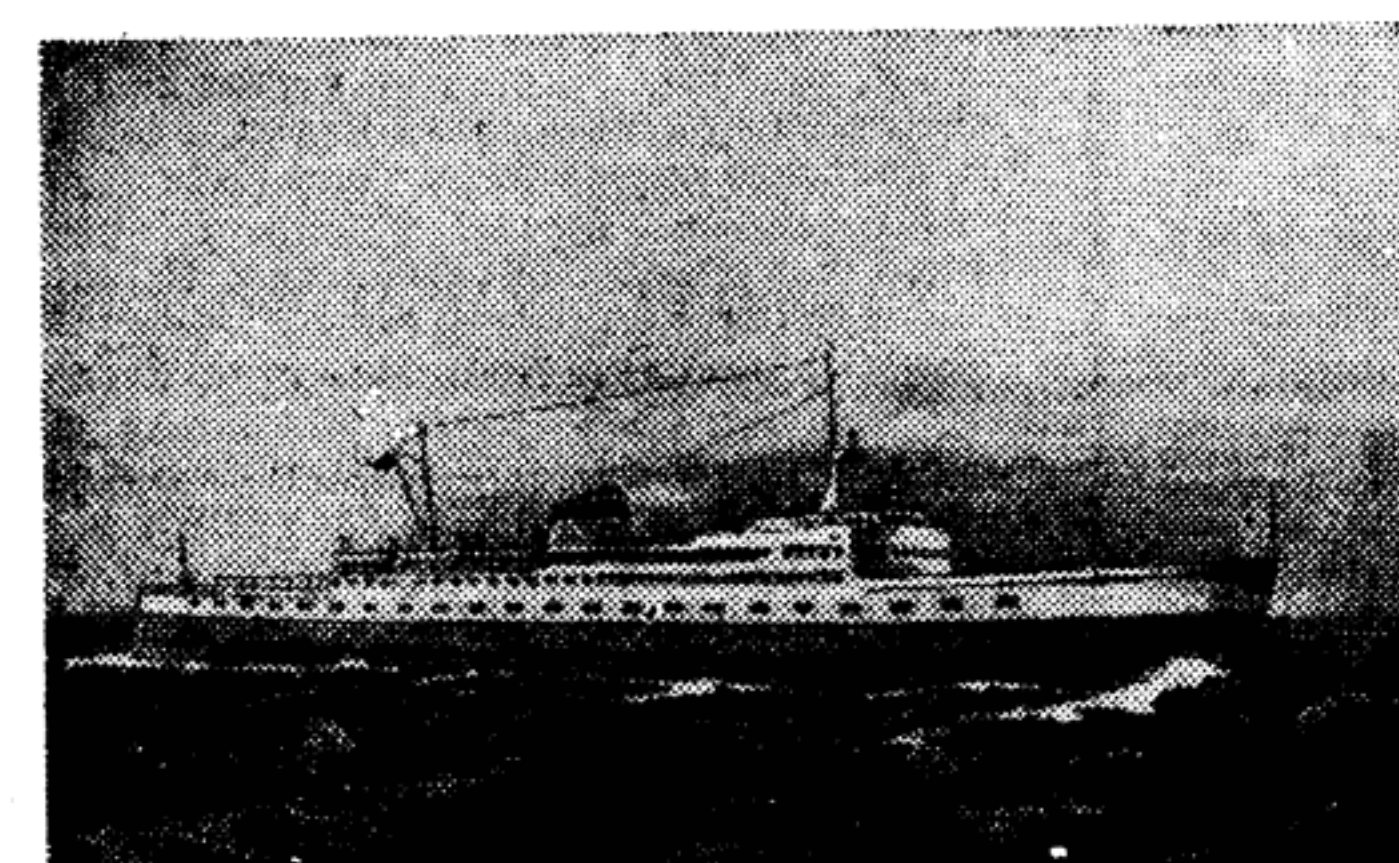
ЛИТЕРАТУРНОЕ

В Ленинграде завершила работу седьмая межобластная конференция молодых писателей. В ней участвовали около ста литераторов Ленинграда, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Мурманской, Вологодской и Ярославской областей, Эстонии, Латвии и Литвы.

В течение пяти дней работали одиннадцать семинаров — по прозе, поэзии, критике и драматургии. На заключительном пленарном заседании выступила руководитель семинаров: В. Панова, А. Прокофьев, Л. Успенский, М. Слюнинский, А. Лебеленко, Б. Лихарев, В. Чернов и другие.

Многие произведения молодых авторов оценены положительно, к ним отнеслись рассказы ленинградских рабочих Р. Грачева и А. Леонова, физика Ю. Томина, штурмана А. Кириосова, инженера из Таллина Р. Титова. Вторую книгу стихов подготовил 22-летний Ю. Шестаков — первый поэт народа манси. С интересными стихами выступили ленинградский кузнец А. Сорокин и учитель из Луги И. Антонов. Тепло говорили о молодых способных критиках Г. Куриковой, А. Рубашкиной, Н. Банк.

В дни работы конференции прозаики и поэты выступали перед читателями.

МОЖЕТ ли быть такой Представьте, — может. И даже скоро. Пройдет года два, и на Каспии можно будет увидеть, как железнодорожные составы в любую погоду пересекают море между Баку и Красноводском в обоих направлениях. Свои путешествия по воде, яко по суку, поезда совершат на рельсах, уложенных, однако, не на недвижимое полотно, а на подвижную палубу большого судна.

Железнодорожные паромы на перевалах в нашей стране не новинка, они уже имеют более чем полувековую историю. И все же до революции паромное дело оказалось дискредитированным. Вот как это произошло.

В конце прошлого века американская фирма, получившая заказ на паром для озера Байкал, построила судно «Байкал» на 27 вагонов. Но беда заключалась в том, что «Байкал» был точной копией паромов, работавших в США на озере Мичиган, где климатические условия совершенно иные. И в первую же навигацию, когда толщина льда на Бай-

ПОЕЗД ПЛЫВЕТ ПО МОРЮ

И в данном случае ряд условий, принимаемых обычно при проектировании паромов, пришлось пересматривать: вопросы остойчивости судна, качки, крепления вагонов поперечному и неперечному движению и некоторые другие. Над решением этой большой и увлекательной задачи работала группа сотрудников одного из конструкторских бюро, возглавляемая главным конструктором проекта Александром Семеновичем Ракочным, опытным инженером — судостроителем.

— Взгляните на снимок, — сказал мне Александр Семенович, показывая фотографии, которую мы здесь воспроизводим. — Таков будет внешний облик нашего детища. Его наружная архитектура проста, изящна, судно, как видите, имеет динамичные современные формы.

При проектировании такого корабля есть два элемента, два исходных критерия — весовая нагрузка и условия размещения. Новый паром — один из крупнейших в мире — будет перевозить на расстоянии в несколько сот километров 30 груженых четырехосных пятнадцатитонных вагонов. Длина его около 134 метров. Благодаря разбавитной ширине в 18,3 метра представляется возможным уложить на палубе четыре рельсовых пути общей протяженностью 480 метров.

— Каковы особенности новой паромной переправы? — Их несколько. Прежде всего более высокая по сравнению с другими кас-

пийскими судами скорость хода — 16 узлов, то есть примерно 30 километров в час. Это обеспечит четкую работу паромов, согласованную с графиком железной дороги. Вторая особенность заключается в бесперебойной перевозке грузов при очень значительном сокращении пробега вагонов. И, наконец, самое главное — это высокая экономичность по сравнению с обычными железнодорожными перевозками из Баку в Красноводск вокруг Каспия и даже по сравнению с морскими перевозками в грузовых судах.

— Судно будет перевозить только грузы? — Так полагали в Каспийском пароходстве. Но специально произведенный анализ привел к выводу об экономической целесообразности перевозки на пароме и пассажиров. Это подтверждается, кроме того, и мировой практикой — за рубежом подавляющее число паромов имеет пассажирские помещения. В дальнейшем вполне вероятно, что паромы перевозят не только вагоны, но и пассажиров. При этом себестоимость проезда одного человека будет втрое ниже, чем на судне, и почти вчетверо дешевле, чем на самолете.

— Что же представляет собой по техническим данным новый паром, как он устроен и оснащён? — Судно будет закрытого типа. Очевидная целесообразность этого диктуется рядом причин, в том числе и необходимостью предохранить вагоны от

вредного воздействия соленой воды, которая, попадая на металлические части вагонов, вызывает усиленную коррозию. Теперь о размещении поезда на корабле. Для этого существуют различные способы, мы же остановились, пожалуй, на наиболее эффективном варианте одной вагонной палубы, при котором требуется наименьшее количество времени на накатку или выкатку вагонов. Имеется в виду, что, скажем, погрузка производится одновременно двумя локомотивами, заталкивающими вагоны сразу на два пути — бортовые или средние. После этого заполняются два других пути. Прием вагонов и выгрузка их ведутся с кормы.

Пассажиры попадают на судно прямо с берегового причала на пассажирскую палубу. Паром наш будет вполне современным кораблем. При его проектировании были тщательно проанализированы многие устройства, призванные умерить качку (вспомните, что речь идет об одном из самых бурных наших морей). Наконец, было избрано наиболее целесообразное для данного типа судна устройство, разработанное ЦНИИ имени академика А. Н. Крылова.

— Где будет строиться паром? — Вернее будет поставить вопрос, где он строится, так как работы по его сооружению уже ведутся. Они поручены одному из старейших предприятий — заводу «Красное Сормово».

Л. ОСТРОВСКИЙ

кале достигла метра и даже больше, новый паром оказался неустойчивым. Идея железнодорожных паромов ретроградно была в глазах общественности сильно дискредитирована. К этой проблеме у нас вновь обратились уже при Советской власти, когда в Горьком во время сооружения железнодорожной магистрали Нижний — Котельнич была построена переправа на 21 вагон. Широко применяются паромы на прибрежном Сталинградском ГЭС и в ряде других мест. Наконец, вот уже несколько лет работает паромная переправа через Караченский пролив и на Амуре у города Комсомольска. Но та, о которой сейчас идет речь, принципиально отличается от прежних. Дело в том, что все построенные раньше наши паромы были предназначены для рек или морских приливов и обладали ограниченными возможностями. Теперь же впервые в СССР разработан проект паромов для плавания в открытом море.

И вдруг рокот трактора и блуждающий огонек. — Божим наперерз! — командует Толя.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
Надя хмурится, потом открыто смеется:
— Я все-таки очень похожа на отца!.

ЧЕМ ПАХНЕТ СНЕГ

Я писал, как трудно порой пробиваться через тайгу, как давит рюкзак, как развезенная дорога ведет лыжи в сторону... Но бывает... Идешь — и просто хорошо идетесь. Лыжи — жик-жик, и сочный белый снег валится и валится на тебя. И оглядываться некогда. Проехал поле, и как будто оно в тебе осталось, с его воздушностью, яркой объемностью, расписанной зальскими следами и мышьяными следочками... Поляну отмахал, и она в тебе вошла — со взбитыми снегами, с вертолетами из березки, которую снег согнул в дугу, со сосенками, которые вдруг под тяжелым снегом стали похожими на елки.

Хозяин чиркает и чиркает, отбрасывая сички, и с каждой сичкой вспоминает директора сичничной фабрики. Мы пробуем помочь, тоже чиркаем, и тоже неудачно.

Как-то, почти всем сразу, вспомнилась случай, происшедший в Покусосом. Пропал человек. Пошел в тайгу на охоту и пропал. К вечеру на вторые сутки нашли его замерзшего. Он сидел скорчившись на заснеженной поляне перед незажженным костром. А на снегу валялись искрошенный, истертый коробок фабрики «Байнал» и много поманых сичек. Значит, мог бы жить этот человек, если бы... Я опять рассматриваю коробок с зеленой этикеткой, тот самый, который нам дают вместо сички в любом буфете и который рабочие настойчиво отказываются брать. «60 шт. Иркутский совнархоз. Сичничная фабрика «Байнал».

Из последних сил бросаемся в темноту. Машет фонариком:
— Сто-о-и!
— Сто-о-и!
Огни трактора проходят стороной, не останавливаясь.
— Сто-о-о-о...
Трактор исчезает за деревьями. Мы медленно собираемся на фонарик. И опять вперед. Идем одинадцать часов, если считать наш небольшой перерыв. Темная каша превращается в черную, словно сваренную из туши. Ткнушь палкой вперед, и она где-то исчезает. Толя тоже варится в этой каше, он то появляется, задевая меня, то растворяется в ней.

Но когда идем долго и быстро, весь мир сужается до ширины лыжи — бестовая, бесконечная, с обтрепанными краями и двумя черными концами чух-то чухих лыж, которые мельтешат да мельтешат перед глазами. Поднимаешь глаза. Увидишь — деревья стоят, солнце раздвоенным желтым пятном к небу, да сосед твой усиленно дырявит палками белое полотно снега... Да почувствуешь, как на висках морозит пот, а на шапочке около ушей накипают сосульки.

Нет, не нужен нам «Байнал» — смеются рабочие. — Лучше вообще без сички! А «Байнал» не нужно, он все равно не горит.

Да, работники с фабрики «Байнал», не доверил бы я вам свою жизнь! Как же вы смеете так работать, что люди гибнут из-за вас!.. Стыдно! Мне сейчас за вас стыдно перед этим радужным сибиряком, перед добрым человеком — Федором Семеновичем Фомичевым, колхозным бригадиром, который дал нам чух-чух тепла. В отличие от вас, ледяные люди, призванные делать огонь. А Федор Семенович чиркнул последнюю сичку и начал новый коробок, на котором тоже была надпись «Байнал», Иркутский совнархоз». Мы поняли, что чаю горячего нам не дождаться. Мы уходим согретыми теплым домом и хорошим людьми.

Божь мой, куда мы идем? Кроме карты Южной Америки, нет никаких карт. Илдр — Рио-де-Жанейро — Тулу — Амазонка...
Южная Америка, помоги нам! Толя, где атлас, я хочу видеть карту Америки! Я хочу знать, где мы сейчас, и скоро ли золотая страна Эльдorado? Ты слышишь нас? А мы замерзали где жешь ты, Южная Америка... Между деревьев, вернее, сквозь них, слабо беловатое пятно.
— Кричи ура, спасены!
Но мы молчим и идем. Мы просто ничего не чувствуем и не видим, кроме белого пятна. Я хочу, наконец, сказать, но губы не шевелятся, а язык застыл. У меня никогда не замерзал язык, и не могу понять, почему из моего рта идет только мычание:
— По-о-и-я-а-а-а...
Это означает: помогите снять рюкзак.

ХОРОШАЯ ПРИМЕТА

Деревья Александровка. Когда с темнотой мы направились в клуб, приметила свою избу. У самого крыльца стоял трактор. Кто-то даже сказал:
— Вот, по трактору и будем искать! Самая хорошая примета, точней!
Глубокой ночью возвращались домой. Увидели дом, и у крыльца трактор. Пошла. — Братцы, это не тот.
У следующего дома тоже стоял трактор. Сунулись и опять назад.
— Что-то не тот.

Там — это крайняя точка, изо-браженная на нашей карте. Ка ртоа кончилась, но траса идет. И более того, мы знаем, что на протяжении ста километров, которые нам осталось пройти, есть пункты Илдр и Тулу. А еще у нас по какой-то случайности есть карта Южной Америки. И мы идем. Через пару часов шофер лихо осаживает МАЗ:
— Привет! Что вам? Илдр? Да тут за рошей, ну, километров шесть!
— Странно...
— Я говорю, что шесть от силы. Идите напрямик.
Идем. Темнеет.

Толя смеется на мое мычание, но тоже не говорит ни одного слова. Не может.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот и Тулу. Тот, о котором мечтали. До которого столько раз оттаивались дойти. Просторный двухэтажный город, он вырос за какой-то десяток лет и сейчас гордо окумушивает небо своими заводами.

И вот мы уже слезли с машины в Братск. И зашагали по городу, молча, скромно, по обочине, а навстречу шли на работу люди и не знали, что мы... Да что говорить, они ни о чем не догадывались. Мы были в тайге. Мы шли и подышали от голода, мы слыли от мороза и ложился на снег от усталости... Только месяц, остывший и незданный в толу-беющее небо блестя, как подаренная нам золотая лыжня...

ДАЛЕКО ЛИ ДО ЭЛЬДОРАДО!

Там — это крайняя точка, изо-браженная на нашей карте. Ка ртоа кончилась, но траса идет. И более того, мы знаем, что на протяжении ста километров, которые нам осталось пройти, есть пункты Илдр и Тулу. А еще у нас по какой-то случайности есть карта Южной Америки. И мы идем. Через пару часов шофер лихо осаживает МАЗ:
— Привет! Что вам? Илдр? Да тут за рошей, ну, километров шесть!
— Странно...
— Я говорю, что шесть от силы. Идите напрямик.
Идем. Темнеет.

Все превращается в рыхлую ночную кашу. По серо-черной каше мы идем, черно-серая каша сверху.

Залезаем в какие-то завалы. Бредем врозь, через кусты, деревья... Застреваем. Проваливаемся в ямы. Уже ясно, что лучше бы снять лыжи, но... Выкарабкиваемся через час. И опять идем. Эх, шофер, зачем ты, мил-человек, врало? Не знал ты, ну, сказал бы — не знаю... Или ты думаешь, нам легче от того, что так вот утешил нас?

Все, как в походе, значит, все в порядке. И значит, из системы «семья я», стала «семья». А что не встречают, это ерунда, ведь мы не открыли никакой Южной Америки, мы только увидели чудесную страну Ленино. Как-то женщина остановилась и смотрела, как мы переходим дорогу.
— Дорогу пересекли... На счастье аль нет?
— На счастье, мать!

ДВА АДРЕСА

Приходим в маленькую деревню с маленьким названием — Там. Выбираем дом просторный с дымоом из трубы. Веселый дядя радушно встречает нас:
— Входите, входите! Ох, какие вы промерзли!
Мы рассаживаемся прямо на полу, в прихожей. Появляется женщина:
— А это кто такие?
— Это гости, жена!
Мы объяснили, что только обогреться, пообедать.
— Так чего же вы людям грязную воду льете, — зашумела опять жена. — И на полу разостлали! Зови людей за стол!

Все превращается в рыхлую ночную кашу. По серо-черной каше мы идем, черно-серая каша сверху.

Залезаем в какие-то завалы. Бредем врозь, через кусты, деревья... Застреваем. Проваливаемся в ямы. Уже ясно, что лучше бы снять лыжи, но... Выкарабкиваемся через час. И опять идем. Эх, шофер, зачем ты, мил-человек, врало? Не знал ты, ну, сказал бы — не знаю... Или ты думаешь, нам легче от того, что так вот утешил нас?

Все, как в походе, значит, все в порядке. И значит, из системы «семья я», стала «семья». А что не встречают, это ерунда, ведь мы не открыли никакой Южной Америки, мы только увидели чудесную страну Ленино. Как-то женщина остановилась и смотрела, как мы переходим дорогу.
— Дорогу пересекли... На счастье аль нет?
— На счастье, мать!

Мы сели за стол. Нарезали колбасу, хлеб. Хозяин принес кринку молока:
— Пейте!
И еще одну кринку:
— Пейте на здоровье!
Подшла хозяйка:
— Мой-то слово вы ждали. Все томилась, все в окне высматривала. Чапку вам сейчас...
Хозяин начал растапливать печку. Перед ним четыре коробка спичек, столько... ищичкиных до дырок:
— А огня нету. Будете в Усолье, передайте привет директору: он недавно орден получил!

Все превращается в рыхлую ночную кашу. По серо-черной каше мы идем, черно-серая каша сверху.

Залезаем в какие-то завалы. Бредем врозь, через кусты, деревья... Застреваем. Проваливаемся в ямы. Уже ясно, что лучше бы снять лыжи, но... Выкарабкиваемся через час. И опять идем. Эх, шофер, зачем ты, мил-человек, врало? Не знал ты, ну, сказал бы — не знаю... Или ты думаешь, нам легче от того, что так вот утешил нас?

Все, как в походе, значит, все в порядке. И значит, из системы «семья я», стала «семья». А что не встречают, это ерунда, ведь мы не открыли никакой Южной Америки, мы только увидели чудесную страну Ленино. Как-то женщина остановилась и смотрела, как мы переходим дорогу.
— Дорогу пересекли... На счастье аль нет?
— На счастье, мать!

Мы сели за стол. Нарезали колбасу, хлеб. Хозяин принес кринку молока:
— Пейте!
И еще одну кринку:
— Пейте на здоровье!
Подшла хозяйка:
— Мой-то слово вы ждали. Все томилась, все в окне высматривала. Чапку вам сейчас...
Хозяин начал растапливать печку. Перед ним четыре коробка спичек, столько... ищичкиных до дырок:
— А огня нету. Будете в Усолье, передайте привет директору: он недавно орден получил!

Все превращается в рыхлую ночную кашу. По серо-черной каше мы идем, черно-серая каша сверху.

Залезаем в какие-то завалы. Бредем врозь, через кусты, деревья... Застреваем. Проваливаемся в ямы. Уже ясно, что лучше бы снять лыжи, но... Выкарабкиваемся через час. И опять идем. Эх, шофер, зачем ты, мил-человек, врало? Не знал ты, ну, сказал бы — не знаю... Или ты думаешь, нам легче от того, что так вот утешил нас?

Все, как в походе, значит, все в порядке. И значит, из системы «семья я», стала «семья». А что не встречают, это ерунда, ведь мы не открыли никакой Южной Америки, мы только увидели чудесную страну Ленино. Как-то женщина остановилась и смотрела, как мы переходим дорогу.
— Дорогу пересекли... На счастье аль нет?
— На счастье, мать!

Голос разума

На меня большое впечатление произвела книга группы советских журналистов «Лицом к лицу с Америкой». Прочитав ее, ощущаешь, что не только сам товарищ Н. С. Хрущев, но и все советские люди поговорили по душам с американцами во время его недавней поездки в США, встретились с ними именно «лицом к лицу»...
С горячей убежденностью отражен в книге тот факт мирового значения, что «война становится анахронизмом» и что спор между противоположными социальными системами все больше переходит в сферу мирного соревнования. Собранный документальный материал показывает, что Н. С. Хрущев в своей поездке руководствовался глубоким стремлением простых советских людей к обеспечению надежного мира. Это ярко выражено в письме-наказе технику-механиков совхоза «Калиновский» Могилевской области М. Н. Головейко и Г. Н. Яковлева, которые писали: «Мы, простые рабочие, надеемся, что Ваша поездка в США откроет новую страницу в борьбе за мир... Война нам не нужна!»
Мне кажется очень глубоким замечание авторов книги, что борьба за мир требует особого мужества от политических деятелей. Авторы метко подчеркнули, что в этой борьбе проявилось большое политическое мужество как Н. С. Хрущев, так и президент Эйзенхауэр, который нашел в себе силы достойно принять высокого гостя, несмотря на противодействие сторонников «холодной войны». На обширном фактическом материале было показано, какая огромная и сложная работа требуется для торжества сил мира, и поэтому нельзя не согласиться с высказыванием простого американца Джэка Уэлера, обращенного к товарищу Хрущеву: «Вы хорошо поработали!»

Действительно сильнее!

Н. С. Хрущев в своих известных выступлениях призвал писателей теснее связаться с жизнью народа, с современностью. Мы видим на примере лучших книг последних лет, как положительно сказывается на литературе обращение к темам наших дней. Правда, можно написать огромный роман, повесть или просто рассказ и наполнить их событиями и фактами современной жизни. Но только в том случае книга станет до-

га нам, если мы почувствуем в ней напряженное биение жизни, значительность событий, душевную красоту и благородство героев, ощущение необходимости скорее достичь нашей конечной цели.

Роман Ш. Рашидова «Сильнее бури» не только тем ценен, что в нем показаны зачатки освоения целины и обводнения плодородных земель. А потому, что создавая свое прекрасное произведение, Ш. Рашидов стремился показать, на что способен свободный советский человек, труженик и воjak, борющийся за изобилие, борющийся за коммунизм.

Мне кажется, книга о наших буднях удалась Ш. Рашидову потому, что он с начала своего литературного пути глубоко связан с судьбами узбекского и всего советского народа. Выйдя из народа, став большим общественным и государственным деятелем, Ш. Рашидов работал рядом со своими положительными героями, такими, как Джурбаев и Айкис Умурава. Ему не раз приходилось сталкиваться и бороться с заблуждениями Кадриковых, пытавшихся жить вчерашней славою, или с паразитами вроде Султанова.

Да, не выдуманные герои у Ш. Рашидова, молодые строители нового, — бригадир хлопководческой бригады Алимджан, комсомольский воjak Керим, звеньевая Михри, ведущие борьбу за освоение целины, за покорение природы, против живучих предрассудков. Им ничто не страшно — ни черная песчаная буря, ни временные трудности, ни лишения, неизбежные для тех, кто прокладывает первую тропу. Они сильны всем этим...

Многогранный роман «Сильнее бури», хотя действие его и происходит только в одном узбекском кишлаке, по праву можно назвать широкой картиной нашего времени. В нем слышится страстный голос жизни, а герои его приближают нас к будущему.

С. КОВАЛЕНКО, агроном

Фото читателя «Литературной газеты» Ф. Порошина.

ВНИИЦА

СЕНЧИН. Вы верите в бога?
ПЯТАКОВ. Хотя я и по-жилой человек, но считаю себя материалистом и поспе-му в бога не верю.
СЕНЧИН. А в переселение душ?..
ПЯТАКОВ. Нет.
СЕНЧИН. А чем вы тогда объясните такой факт: вот жил и живет из белом свете экономист Пятаков Савва Никитич... Эх, как там?
ПЯТАКОВ. Совершенно правильно, Я. ФИЛАТОВ. А кроме того, жил и живет на свете католический па-тер, служивший в Венгрии, а затем с сорок второго по сорок пятый год — на Западной Украине. По имени Андреас, по фамилии Иост. И это опять вы!

ФЕЛЬЕТОН

ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ

ШАКОТА. Вы верите в бога?
ПЕНЕЗИЧ. ...Хоть я и по-жилой человек, но считаю себя материалистом и поспе-му в бога не верю.
ШАКОТА. А в переселение душ?
Итак, Иост, он же Пятаков, он же Пенезич, в переселение душ не верит. Но вот в редакцию «Литературной газеты» при-

шло письмо из города Смелы Черкасской области, и нам пришлось всерьез задуматься над этим каверным вопросом Шакоты — Сенчина:

«Уважаемая редакция! Пишу Вам по поручению драматического кружка Смелянской школы № 3. Большая для нас трудность — найти подходящую пьесу. Представьте себе нашу радость, когда мы получили сборник «На страже безопасности», составленный из пьес Игоря Луковского. Но скоро радость наша померкла: такое однообразие содержания, такой трафарет! Особое возмущение вызвала пьеса «Портфель тети Катя» — это оказалось не что иное, как пере-ливанная пьеса того же самого И. Луковского «Тройной узел», изданная Трудрезерватом в 1952 году.

Вспомнили мы и другие пьесы Луковского, которые ставились в школе, и пришли к выводу, что этот «творческий» метод Луковского использовать не следует: раз его пьесы «Мисс предупреждения» («Искусство», 1951) и «Вторая граница», изданная Профиндизом в 1950 году, тоже близнецы».

В ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ?

Полюквин Сенчин в конце концов добился своего. Припертый к стенке «экономист Пятаков» вынужден был признать, что он и патер Иост — одно и то же лицо. Но был один факт в биографии Иоста — Пятакова, который, по-видимому, так и остался тайной и для полковника, и для редактора сборника одноактных пьес Игоря Луковского «На страже безопасности», И. Каминской (издательство «Искусство», 1959 год). Дело в том, что по нашим сведениям, — это не единственное превращение патера Иоста. Семь лет назад он уже фигурировал в литературе и назывался тогда Савва Пенезич.

Но не будем слишком поспешно обвинять в упущении полковника Сенчина. Ведь это происходило в другой пьесе, под другим названием, впрочем того же автора. И там патер Иост, буквально в тех же выражениях, рассказывал о себе... инспектору корпуса национальной безопасности Шакоте:

Полюквин Сенчин в конце концов добился своего. Припертый к стенке «экономист Пятаков» вынужден был признать, что он и патер Иост — одно и то же лицо. Но был один факт в биографии Иоста — Пятакова, который, по-видимому, так и остался тайной и для полковника, и для редактора сборника одноактных пьес Игоря Луковского «На страже безопасности», И. Каминской (издательство «Искусство», 1959 год). Дело в том, что по нашим сведениям, — это не единственное превращение патера Иоста. Семь лет назад он уже фигурировал в литературе и назывался тогда Савва Пенезич.

Но не будем слишком поспешно обвинять в упущении полковника Сенчина. Ведь это происходило в другой пьесе, под другим названием, впрочем того же автора. И там патер Иост, буквально в тех же выражениях, рассказывал о себе... инспектору корпуса национальной безопасности Шакоте:

Обилен и разнообразен отдел библиографии. Достаточно сказать, что в течение минувшего года рецензировано свыше пятидесяти книг, посвященных советской, классической русской и зарубежной литературе. Но это лишь незначительная часть изданной. А ведь в толстых литературно-художественных журналах литературоведческие книги почти не рецензируются.

И вот что происходит в итоге. Лет пять назад была издана хорошая монография Н. Степанова о Гоголе. Недавно она вышла уже вторым изданием. Но на книгу до сих пор не появилась ни одного отклика. И этот пример отнюдь не единственный. Такая же судьба постигла книги Г. Поспелова и М. Гуса — о Гоголе. А Цейтлина — о Рылеве и мастерстве Тургенева. В Орлова — о Грибоедове и т. д.

Конечно, хотелось бы ответить участникам драмкружка, что все эти метафоры патера Иоста и других действующих лиц пьес опытного и известного драматурга Луковского продиктованы высшими творческими соображениями. Хотелось бы защитить честь писательского мундира. Очень хотелось бы объяснить им, что когда инспектор корпуса национальной безопасности Шакоты (герой пьесы «Тройной узел») перевоплощался под пером драматурга в полковника Сенчина (герой пьесы «Портфель тети Катя»), автор стремился... Но к чему, собственно, он стремился, заменяя, полюбив, реплику Шакоты, рассматривающего фотопленку, следующей репликой Сенчина:

«Вопросы литературы» стали боевым, критическим журналом, ничем общему не имеющим с той академической заводилой. Он страстно борется за независимость нашей литературы, за ее глубокое проникновение в толщу жизни, уделяет много внимания разработке теоретических проблем социалистического реализма, разоблачению реакционных, ревизионистских концепций.

Каждая книжка журнала открывалась разделом «На темы современности». Это заглавный раздел. Прежде всего он определяет лицо журнала и наиболее непосредственно выражает его символ веры. Из номера в номер здесь печатаются статьи, в которых обсуждаются самые животрепещущие проблемы литературы. Отметим появившиеся в последних номерах журнальные остроты, написанные с публицистическим темпераментом работы В. Перлова, С. Штут, Г. Ленобла, В. Озерова, В. Щербина, А. Карагановича, И. Григорьева, А. Сивяковского, И. Вишневецкого. На большом фактическом материале здесь поставлены важные проблемы.

ШАКОТА (смеясь). О-о-о! Вот появились и портфель матушки Козыль (Ядовитый) А министр Хенриг прачет чужой портфель под свой плащ... Великолепно! Ну, дальше, он ушел... Кинуть не в первый раз? Это пьесы «Мисс предупреждения» («Искусство», 1951) и «Вторая граница», изданная Профиндизом в 1950 году, тоже близнецы».

«Вопросы литературы» стали боевым, критическим журналом, ничем общему не имеющим с той академической заводилой. Он страстно борется за независимость нашей литературы, за ее глубокое проникновение в толщу жизни, уделяет много внимания разработке теоретических проблем социалистического реализма, разоблачению реакционных, ревизионистских концепций.

Каждая книжка журнала открывалась разделом «На темы современности». Это заглавный раздел. Прежде всего он определяет лицо журнала и наиболее непосредственно выражает его символ веры. Из номера в номер здесь печатаются статьи, в которых обсуждаются самые животрепещущие проблемы литературы. Отметим появившиеся в последних номерах журнальные остроты, написанные с публицистическим темпераментом работы В. Перлова, С. Штут, Г. Ленобла, В. Озерова, В. Щербина, А. Карагановича, И. Григорьева, А. Сивяковского, И. Вишневецкого. На большом фактическом материале здесь поставлены важные проблемы.

«Вопросы литературы» стали боевым, критическим журналом, ничем общему не имеющим с той академической заводилой. Он страстно борется за независимость нашей литературы, за ее глубокое проникновение в толщу жизни, уделяет много внимания разработке теоретических проблем социалистического реализма, разоблачению реакционных, ревизионистских концепций.

Каждая книжка журнала открывалась разделом «На темы современности». Это заглавный раздел. Прежде всего он определяет лицо журнала и наиболее непосредственно выражает его символ веры. Из номера в номер здесь печатаются статьи, в которых обсуждаются самые животрепещущие проблемы литературы. Отметим появившиеся в последних номерах журнальные остроты, написанные с публицистическим темпераментом работы В. Перлова, С. Штут, Г. Ленобла, В. Озерова, В. Щербина, А. Карагановича, И. Григорьева, А. Сивяковского, И. Вишневецкого. На большом фактическом материале здесь поставлены важные проблемы.

«Вопросы литературы» стали боевым, критическим журналом, ничем общему не имеющим с той академической заводилой. Он страстно борется за независимость нашей литературы, за ее глубокое проникновение в толщу жизни, уделяет много внимания разработке теоретических проблем социалистического реализма, разоблачению реакционных, ревизионистских концепций.

Каждая книжка журнала открывалась разделом «На темы современности». Это заглавный раздел. Прежде всего он определяет лицо журнала и наиболее непосредственно выражает его символ веры. Из номера в номер здесь печатаются статьи, в которых обсуждаются самые животрепещущие проблемы литературы. Отметим появившиеся в последних номерах журнальные остроты, написанные с публицистическим темпераментом работы В. Перлова, С. Штут, Г. Ленобла, В. Озерова, В. Щербина, А. Карагановича, И. Григорьева, А. Сивяковского, И. Вишневецкого. На большом фактическом материале здесь поставлены важные проблемы.

ЛИЦО КРИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

РАСКРОЙТЕ одачу на последние книжки журнала «Вопросы литературы» и взгляните на его оглавление. Вас привлечет прежде всего множество разделов: «На темы современности», «Труд писателя», «Публицистика и воспоминания», «Газетная литература», «Зарубежная литература» и т. д. С нынешнего года, кроме того, введен новый раздел — «Литературная учеба», который, судя по двум первым подборкам материалов, несомненно, привлечет к себе внимание широкого читателя.

От обстоятельной теоретической статьи до информационной хроники и веселых «Каузов и лпдсов» — такой жаровый диапазон «Вопросов литературы». И это хорошо. Журнал, рассчитанный на серьезного читателя, вместе с тем не желает быть сухарем, стремится к разнообразию не только тем и форм подачи материала.

В прошлом «Вопросы литературы» нередко и подделом корили за слишком созерцательное отношение к острым проблемам современности. Листва последние номера журнала, убеждаешься, что критика пошла ему впрок.

«Вопросы литературы» стали боевым, критическим журналом, ничем общему не имеющим с той академической заводилой. Он страстно борется за независимость нашей литературы, за ее глубокое проникновение в толщу жизни, уделяет много внимания разработке теоретических проблем социалистического реализма, разоблачению реакционных, ревизионистских концепций.

Каждая книжка журнала открывалась разделом «На темы современности». Это заглавный раздел. Прежде всего он определяет лицо журнала и наиболее непосредственно выражает его символ веры. Из номера в номер здесь печатаются статьи, в которых обсуждаются самые животрепещущие проблемы литературы. Отметим появившиеся в последних номерах журнальные остроты, написанные с публицистическим темпераментом работы В. Перлова, С. Штут, Г. Ленобла, В. Озерова, В. Щербина, А. Карагановича, И. Григорьева, А. Сивяковского, И. Вишневецкого. На большом фактическом материале здесь поставлены важные проблемы.

Вопросы литературы» стали боевым, критическим журналом, ничем общему не имеющим с той академической заводилой. Он страстно борется за независимость нашей литературы, за ее глубокое проникновение в толщу жизни, уделяет много внимания разработке теоретических проблем социалистического реализма, разоблачению реакционных, ревизионистских концепций.

Каждая книжка журнала открывалась разделом «На темы современности». Это заглавный раздел. Прежде всего он определяет лицо журнала и наиболее непосредственно выражает его символ веры. Из номера в номер здесь печатаются статьи, в которых обсуждаются самые животрепещущие проблемы литературы. Отметим появившиеся в последних номерах журнальные остроты, написанные с публицистическим темпераментом работы В. Перлова, С. Штут, Г. Ленобла, В. Озерова, В. Щербина, А. Карагановича, И. Григорьева, А. Сивяковского, И. Вишневецкого. На большом фактическом материале здесь поставлены важные проблемы.

С. МАШИНСКИЙ

в том, что она вспыхивает и быстро угасает, не оставляя после себя сколько-нибудь существенного следа в последующих материалах.

РЕДАКЦИЯ «Вопросов литературы» энергично борется за безусловное повышение художественного мастерства современной советской литературы. Эта тема, можно сказать, не сходит со страниц журнала. В статьях теоретических, историко-литературных, рецензий и обзорах, полемических заметках в самых разнообразных формах ведется серьезный разговор на эту важную тему.

Его участниками становятся и сами писатели. Их слово в критическом журнале представляется особенно поучительным. За последнее время здесь появились статьи Н. Погодина, Н. Асеева, А. Штейна, Ю. Бондарева, В. Розова, критические миниатюры С. Цицаева, открытые письма И. Сельвинского, адресованные студентам Литинститута. Это содержательные материалы, порождающие, которые испытывают преподаватели литературы в вузах, если бы на этой беседе присутствовали члены редколлегии «Вопросов литературы». Они убедились бы в том, сколь велики резервы авторского актива, которые еще очень недостаточно используются в журнале.

«Вопросы литературы» — всеобщий журнал. И это ко многому обязывает.

Облаживает и более обстоятельно освещать проблемы литературы народов СССР. В журнале время от времени публикуются статьи, посвященные отдельным национальным литературам. Но они почти слишком локального характера. И очень редко появляются здесь работы, в которых обсуждаются проблемы, представляющие интерес для всей нашей советской литературы. Ее современное состояние нельзя понять вне изучения реально существующего взаимодействия литератур народов СССР. Думается, что вполне назрела необходимость в дискуссии по вопросам о специфике национальной формы и тенденциях ее развития в период развернутого строительства коммунистического общества.

ОДНИ из самых, я бы сказал, увлекательных разделов журнала — «Публикации и воспоминания».

С трепетным интересом воспринимается каждая новая строка публикации — будь-то из пыльных книжек Фадеева или писем Вс. Вишневского. И жаль, очень жаль, что редакция скуповата на место для такого рода материалов.

Успешно ведется раздел «Литера-

По этим большим, кардинальным вопросам были бы особенно интересны для читателя выступления крупнейших мастеров нашего искусства.

Редакция настойчиво расширяет свой авторский актив и особенно старательно вовлекает в него молодых критиков-москвичей. На страницах журнала можно нередко встретить имена П. Павлинского, В. Турбина, Ю. Манна, В. Чалмаева, В. Кожина. В их лучших работах привлекают и острая мысль, и смелость теоретического поиска, и та свежесть в восприятии явлений искусства, которая присуща молодости.

Значительно слабее работает редакция с авторами «иногородними». Редко появляются их имена на журнальной полосе.

Мне привелось недавно встречаться с критиками и литературоведами гор. Горького. Состоялся очень интересный разговор, продолжавшийся около четырех часов. Говорили о современной литературе и критике, о состоянии нашей эстетической и литературоведческой критики, которые испытывают преподаватели литературы в вузах, если бы на этой беседе присутствовали члены редколлегии «Вопросов литературы». Они убедились бы в том, сколь велики резервы авторского актива, которые еще очень недостаточно используются в журнале.

«Вопросы литературы» — всеобщий журнал. И это ко многому обязывает.

Облаживает и более обстоятельно освещать проблемы литературы народов СССР. В журнале время от времени публикуются статьи, посвященные отдельным национальным литературам. Но они почти слишком локального характера. И очень редко появляются здесь работы, в которых обсуждаются проблемы, представляющие интерес для всей нашей советской литературы. Ее современное состояние нельзя понять вне изучения реально существующего взаимодействия литератур народов СССР. Думается, что вполне назрела необходимость в дискуссии по вопросам о специфике национальной формы и тенденциях ее развития в период развернутого строительства коммунистического общества.

ОДНИ из самых, я бы сказал, увлекательных разделов журнала — «Публикации и воспоминания».

С трепетным интересом воспринимается каждая новая строка публикации — будь-то из пыльных книжек Фадеева или писем Вс. Вишневского. И жаль, очень жаль, что редакция скуповата на место для такого рода материалов.

Успешно ведется раздел «Литера-

По этим большим, кардинальным вопросам были бы особенно интересны для читателя выступления крупнейших мастеров нашего искусства.

Редакция настойчиво расширяет свой авторский актив и особенно старательно вовлекает в него молодых критиков-москвичей. На страницах журнала можно нередко встретить имена П. Павлинского, В. Турбина, Ю. Манна, В. Чалмаева, В. Кожина. В их лучших работах привлекают и острая мысль, и смелость теоретического поиска, и та свежесть в восприятии явлений искусства, которая присуща молодости.

Значительно слабее работает редакция с авторами «иногородними». Редко появляются их имена на журнальной полосе.

Мне привелось недавно встречаться с критиками и литературоведами гор. Горького. Состоялся очень интересный разговор, продолжавшийся около четырех часов. Говорили о современной литературе и критике, о состоянии нашей эстетической и литературоведческой критики, которые испытывают преподаватели литературы в вузах, если бы на этой беседе присутствовали члены редколлегии «Вопросов литературы». Они убедились бы в том, сколь велики резервы авторского актива, которые еще очень недостаточно используются в журнале.

«Вопросы литературы» — всеобщий журнал. И это ко многому обязывает.

Облаживает и более обстоятельно освещать проблемы литературы народов СССР. В журнале время от времени публикуются статьи, посвященные отдельным национальным литературам. Но они почти слишком локального характера. И очень редко появляются здесь работы, в которых обсуждаются проблемы, представляющие интерес для всей нашей советской литературы. Ее современное состояние нельзя понять вне изучения реально существующего взаимодействия литератур народов СССР. Думается, что вполне назрела необходимость в дискуссии по вопросам о специфике национальной формы и тенденциях ее развития в период развернутого строительства коммунистического общества.

ОДНИ из самых, я бы сказал, увлекательных разделов журнала — «Публикации и воспоминания».

С трепетным интересом воспринимается каждая новая строка публикации — будь-то из пыльных книжек Фадеева или писем Вс. Вишневского. И жаль, очень жаль, что редакция скуповата на место для такого рода материалов.

Успешно ведется раздел «Литера-

По этим большим, кардинальным вопросам были бы особенно интересны для читателя выступления крупнейших мастеров нашего искусства.

Редакция настойчиво расширяет свой авторский актив и особенно старательно вовлекает в него молодых критиков-москвичей. На страницах журнала можно нередко встретить имена П. Павлинского, В. Турбина, Ю. Манна, В. Чалмаева, В. Кожина. В их лучших работах привлекают и острая мысль, и смелость теоретического поиска, и та свежесть в восприятии явлений искусства, которая присуща молодости.

Значительно слабее работает редакция с авторами «иногородними». Редко появляются их имена на журнальной полосе.

Мне привелось недавно встречаться с критиками и литературоведами гор. Горького. Состоялся очень интересный разговор, продолжавшийся около четырех часов. Говорили о современной литературе и критике, о состоянии нашей эстетической и литературоведческой критики, которые испытывают преподаватели литературы в вузах, если бы на этой беседе присутствовали члены редколлегии «Вопросов литературы». Они убедились бы в том, сколь велики резервы авторского актива, которые еще очень недостаточно используются в журнале.

«Вопросы литературы» — всеобщий журнал. И это ко многому обязывает.

Облаживает и более обстоятельно освещать проблемы литературы народов СССР. В журнале время от времени публикуются статьи, посвященные отдельным национальным литературам. Но они почти слишком локального характера. И очень редко появляются здесь работы, в которых обсуждаются проблемы, представляющие интерес для всей нашей советской литературы. Ее современное состояние нельзя понять вне изучения реально существующего взаимодействия литератур народов СССР. Думается, что вполне назрела необходимость в дискуссии по вопросам о специфике национальной формы и тенденциях ее развития в период развернутого строительства коммунистического общества.

ОДНИ из самых, я бы сказал, увлекательных разделов журнала — «Публикации и воспоминания».

С трепетным интересом воспринимается каждая новая строка публикации — будь-то из пыльных книжек Фадеева или писем Вс. Вишневского. И жаль, очень жаль, что редакция скуповата на место для такого рода материалов.

Успешно ведется раздел «Литера-

ПРОБЛЕМЫ ДРАМАТУРГИИ И МАСШТАБЫ ЖИЗНИ

Сегодня в нашем обсуждении выступает Вл. ПИМЕНОВ.

ПРЕДСТАВИМ себе, что через десяток лет, когда вероятно уже наступит время космических перелетов и люди будут пользоваться ракетами как транспортом, чтобы слетать на дельта за океан, а может быть даже на другую планету, — человек, интересующийся историей, захочет узнать, а что же происходило в 1959 году. Возьмет он журналы, книги, газеты, и перед ним раскроется величественная картина строительства коммунизма. Он узнает об исторической поездке Н. С. Хрущева в Америку, о великой победе ученых, посланных ракету на Луну, о героическом полете Валентина Гагановой, о бригадах коммунистического труда, о прочтении об итогах всеобщей переписи населения и о первом атомном ледоколе «Ленин», о сокращении Советской Армии на 200 тысяч человек и о юбилее Чехова, и о том, что Рязанская область стала передовой.

Но вот он, этот любознательный читатель, захочет представить в живых обрзах людей этого года. Он обратится к московским театральным постановкам и узнает, как всенародно чествовали Чехова в дни 100-летия со дня рождения, он прочтет о молодом Гамлете — Маршенте в театре Маяковского, о постановке маленьких трагедий Пушкина в театре Вахтангова, он встретится с «Барабанищей», смелой разведчицей партизанкой Нилой в Центральном театре Советской Армии, он, наконец, узнает о великольном исполнении образа Ленина Б. Смирновым в «Третьей пагетической» в МХАТе. Но если он еще захочет по сценическим созданиям узнать о тех, кто свершил великие дела этого времени, то это ему будет сделать нелегко.

Покорители целины в интересном спектакле «Начало жизни» К. Финна в Московском драматическом театре поведают о том, как они преодолели трудности первого года освоения казахстанской целины, как происходит у них проверка на крепость и чистоту характера, как возникают первые дружеские и товарищеские связи. Но к моменту появления пьесы на сцене люди жили уже пять лет, там сложился свой быт, выросли настоящие специалисты, труженики земли, новые герои характеров раскрылись у повзрослевших комсомольцев. Об этом можно узнать из очерков и статей в газетах и журналах, но нельзя узнать из спектаклей.

Мир ученых — мир сложный и по своему замысловатый. Люди науки заслужили глубокую признательность трудового народа. Мы хотим найти в театре Полежаева и Кречета нашего времени. Да, на сцене мы увидим академика Дронова в спектакле «Все остается людям» С. Алешина. Но этот ученый появится в театре лишь для того, чтобы сообщить, что незаконченными его труды некому передать перед смертью. Умирая в конце спектакля, академик свою заветную папку уже в последний момент жизни решает отдать молодой ученой Румянцева, единственной надежде своей ученице.

Академик Воронихин из пьесы «Защитники» Ермолинского находится буквально в таком же положении. Он свои открытия прячет от окружающих и работает над ними в особой тайне, по секрету диктует свои последние мысли молодому аспиранту, так как в институте не находится ученого, которому он полностью доверял бы. Оба академика — благородные люди, гуманисты, мечтатели, люди с большой душой и коммунистическим сознанием. Но в противовес с жизненными обстоятельствами, когда огромные научные коллективы новыми открытиями поражают умы народа, на сцене театров этого сезона действуют, борются, бьются одинокие старые ученые.

На сцене Московского театра имени Пушкина мы познакомимся с молодым шахтером и красноармейцем тридцатых годов Гайдаром Алексеем, которого увидим молодых шахтеров, пошедших комсомольскими шагами Донбасса. Было бы, однако, ошибочным на основании всего этого делать вывод, что современная тема отсутствовала в театре 1959 года.

Из различных сводок и справок читателю и зрителю станет известно, что эти новые пьесы, выходящие на сцену, были спектакли «На нашей улице», «Второй год от угла», «Пять вечеров», «Спать опасно», «Сердце девичье затуманилось...», «Трехминутный разговор», «Август», «Взломщики тишины», «200 000 на мелкие расходы», «Много ли человеку надо?» и много еще... Но все это как будто бы из другой жизни, которая как параллельно существует с нынешней эпохой. Мы познакомимся с пенсионерами, переживающими драму в связи с уходом с работы, увидели девушку, не попавшую в вуз, переживающую крах своей мечты и с трудом осознающую важность работы на производстве; узнали, как не сложилась жизнь у героя и героини, хотя через много лет они и придут друг к другу, сохранив свою испепелившую любовь; как поспорят, а потом помирился муж и жена; как талантливый руководитель учреждения или страны становится открытым для массы и как будет идти борьба за него и т. д. Об этом можно писать и писать пьесы драматурги во все периоды жизни советских людей.

Но каждый период имеет свои особенности, свои возникшие у человека новые интересы, свои проблемы. Этих примет во многих пьесах 1959 года мы не увидим. Правда, может быть, крупные события этого года появятся в произведениях, созданных в годах, только наступающих. Может быть! Но требование к театру, чтобы он был современен и чтобы он воссоздал образы сегодняшних героев, — не простая фраза.

Отсутствие крупных произведений о сегодняшней действительности не раз объяснялось тем, что для глубокого осознания явления необходимо время, необходима дистанция. Безусловно, материал для своих произведений писатели всегда будут черпать не только из сегодняшнего, но и из пережитого вчера. Однако главным всегда остается настоящее, сегодняшнее, если это произведение о современности.

Так кого же запомним мы, соотнесем характеры и поступки сценических героев с поступками Маяки и Гагановой, с делами тех, кто пошел на фронт?

Новый человек нашего времени наиболее интересно и своеобразно выражается в образе и в пьесе «Иркутская история» Арбузова и «Стрелуха» Софронова. Мы сознательно не останавливаемся на инсценировках, лишь возвращаясь к уже известному по ранее прочитанным романам. В спектаклях, осуществленных московскими театрами, образы, созданные писателями в их произведениях, оказались, несмотря на тактично-корректное отношение к первоисточнику со стороны режиссеров и артистов, несмотря на правильное идейное прочтение, менее значительны, чем можно было бы ожидать.

Есть еще две пьесы, увидевшие сцену в последнее время. Спектакли эти — «Сын века» И. Куприянова и «Трасса» И. Дворецкого — ставили известные и опытные режиссеры, главные роли были исполнены талантливыми артистами. Тем не менее постановки эти имели средний успех. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что герои обеих пьес, представленные театрами как наши близкие, сегодняшние современники, на поверку оказались лишь копиями с оригиналов прошлых лет.

В самой ситуации «Трассы» нет ничего нового. Конфликт между начальником трассы Чепраковым и главным инженером Аброхимовым уже всесторонне был исчерпан во многих пьесах еще в 30-е годы и в последующее время, вплоть до наших дней. Грубый и прямолинейный начальник, человек талантливый, ломающий научные нормы, — и педантичный интеллигент, следующий установленным научным догмам, Осторожный, предусмотрительный обходитель болото и, следовательно, требующий дополнительного времени проект постройки трассы Чепраков предлагает изменить и вести трассу по болоту. Аброхимов возражает, молодой ученый поддерживает Чепракова, и трасса ведется по новому проекту.

Если бы в этой довольно простой ситуации обнаруживались у героев новые грани характеров и мы встретились бы с людьми, в которых проявились черты нашего современника, мы не обратили бы внимания на избитый конфликт. Но в том-то и дело, что герои «Трассы», люди вообще-то интересные, сохранили в себе неизменные черты, уже давно известные, в людях этих не открылось ничего, а ведь это и есть открытие. А неизвестное должно открываться не только в ситуации и действиях, но только в формальных признаках времени (дело происходит в 1958 или 1959 году), а в том, что героям пьесы свойствен особый, может быть, еще не проявившийся массово интеллект. И если в характере Чепракова сказались черты прежнего выживания, сказало отсутствие общей культуры, если интеллигентность замещается у него вдохновенным неистовством, а знания подменяются чутьем, инстинктом, — то такой герой, как бы его ни утешали бытовыми деталями и сложностями любви, новым человеком, героем, идущим вперед, не станет. И даже любовная история между грубым Чепраковым и тонко чувствующей интеллигентной дочерью Аброхимова, успешней уже завязется с первым только, мечтателем, даже эта история только повторила уже давно известную тему о любви героя революции из народа и женщины из другого круга. Но тогда это было новое и неизменно. И было интересно, что герой-революционер оказался куда более благородным и интеллектуальным, чем кавалеры бы общества.

Спор между Чепраковым и Аброхимовым идет по поводу проблем наших современников, а спорящие — люди не современные. В этом все дело. Так «Трасса» при том, что автор успешно в общем начинает свой путь в драматургии, не открыла пьесу.

Куприянов назвал свою пьесу весьма ответственно — «Сын века». Уже само название настраивает к пьесе положительно. Это ведь так важно и так необходимо нарисовать образ, который был бы действительно сыном своего века, даже не периода, года, десятилетия, а века, века побед коммунизма.

Главный герой пьесы «Сын века», парторг большой стройки Большаков, написан драматургом с любовью. Это действительно образ положительного героя. Большаков воспитан, образован, внимателен к людям, честен и принципиален, он не терпит зла, борется со всем, что ему кажется не соответствующим духу советского строя. Начальник строительства Прокофьев возводит коттеджи для инженеров, а рабочих расселяет в бараках. Большаков требует, чтобы и рабочие имели нормальные бытовые условия. В лице Большакова мы видим героя безусловно положительного, без всяких недостатков.

Но чем же он отличается от людей 20—30—40-х годов? Те же самые качества были всегда свойственны положительному герою. Что же внес Куприянов нового в этот образ?

Беда в том, что самому Большакову как личности не хватает главного — нового интеллекта. И его простота, и его умение быть на уровне собеседника, и лихость, с какой он выплывает с рабочими граненый стакан воды, и обычная тяга к семейному быту, очевидно, нужны были автору для того, чтобы при огромном переполнении положительными чертами герой не был бы ханжеским, умилительным, сладким. Мы знаем, что делает Большаков, следим за всеми его действиями, но, собственно, о нем самом мы так ничего и не узнаем, душа его так и остается закрытой, забаррикадированной множеством событий и ситуаций, происходящих в нем. Глубокий интеллект, широкий мир чувств, размышлений, разумный юмор. На это у Большакова просто не хватает времени, ему некогда подумать, осмыслить, пофилософствоваться.

Если мы проследим за речью Большакова, то увидим, что она вся состоит из служебных слов, а слова, которые обращены были бы к самому себе, слова-раздумья о судьбах не только тех людей, с которыми он встречается, но о судьбах человечества, к Большакову, очевидно, просто не подходит, они ему не под силу. Новый герой, которого хотелось бы узнать в действующем лице драмы, свободно рассуждает, обращаясь и к Ленину, и к Толстому, Репину, Луначарскому, Фадееву, Хачатуряну. Он говорит о том, что происходит в науке, и ему понятно, что делают Туполов и Бакулев.

Когда-то возникло слово «эпистолецизм». Вот положительный герой и должен быть по-своему эпистолецистом. Революция открыла человеку все культуры завоевания человечества, но овладеть ими он еще не мог, он был еще не подготовлен. Сейчас наступает момент, когда человек может и воспользоваться культурой человечества, и сам ее обогатить. Вот такой герой, взависший из сокровищницы культуры то, что ему необходимо, и внесший что-то новое, нам нужен. Большаков же лишь эмпирик. Он чувствует свою личную ответственность за стройку, за жизнь людей на стройке, но он не чувствует

своей ответственности за более значительное, что совершается усилиями Большаковых не только в стране, но и в мире. В характере его из пьесы И. Куприянова нет интернационального звучания, он герой местного значения. Он однообразен и кажется не объемным, а плоским. Ему бы при всем ощущении сложности жизни прибавить и веселости, и радостной жизнелюбивости, что привнесло бы легкость и юмор. Назвав его сыном века, Куприянов не сумел увидеть главное для героя эпохи — возникновение тех черт характера и интеллекта, в которых угадываются приметы времени.

Мы уже упомянули пьесы, в которых по-разному, но сказались особенности современного общества, отразившиеся в человеке, в личности.

А. Софронов написал комедию «Стрелуха». Эта пьеса вводит нас в среду кубанских колхозников. Чем дальше мы читаем пьесу, тем больше убеждаемся в цельности, благородстве и интеллектуальности нашего крестьянина, того самого, который зачастую в произведениях о прошлом был олицетворением покорной заботности. Но, может быть, этих колхозников мы уже видели в 30—40-е годы, может быть, в них только повторены известные уже черты и характеры? Нет, образы героев «Стрелухи» озарены новым, в них угадывается радость завтрашнего дня. Когда стрелуха полевой бригады Павлина Хурторая, которая varit борщ, мест по суду, ведет все продовольственное хозяйство бригады, начиная говорить о жизни, о том, как она понимает ее смысл, когда она начинает читать стихи индийской поэтессы и с полной осведомленностью рассуждает о людях, живущих в разных странах, нам не только не кажется это несообразным с ее положением стрелухи, но мы только такой и представляем себе нашу героиню. Новое в этой пьесе — то отношение людей к жизни, когда казавшееся вчера нормальным сегодня уже недостаточно для высшего духовно человека. Автор с большой щедростью насытил пьесу юмором, комедийными положениями, лирическими дугами, острыми столкновениями, ничего в пьесе не остается из игривости, в каждой сцене есть своя злая ирония, но иногда эта щедрость слишком обильна, слишком много поют и много шутят, слишком много столкновений, основанных на запутанности и недоразумениях. Есть переборы и в использовании диалекта. Но главное — то, что есть в этой пьесе новый человек, новый не по положению в обществе, не по особым трудным обязанностям, а по отношению к обществу, к труду, по радостному ощущению себя хозяином жизни. Вот это главное: человек — хозяин жизни.

Хозяином жизни можно назвать Сердюка — героя пьесы Арбузова «Иркутская история», которого ребята кличут Батей.

«Иркутская история» — лирическая драма, в которой раскрыта сущность жизни нашего современника. Бригада экскаваторщиков, работающих на строительстве, представляет собою малую ячейку строителей коммунизма.

Арбузов во главе бригады поставил старого Сердюка, прошедшего весь путь советского человека от эпохи гражданской войны до победного запуска спутника на Луну. Он — выразитель революционных традиций, умный воспитатель нового поколения. И особым своим отношением старшего к младшим, суровым и нежным, по-простому, по-рабочему и с тонким и интеллигентным подходом формирует он характеры своей рабочей бригады. И все люди его бригады — от сменного машиниста, мужественного и благородного Сергея до отсталого Лалченко — постепенно образуют действительно бригаду коммунистического труда. В пьесе найдено то, что не удавалось многим драматургам, — органическое соединение личного и общественного, слияние личной жизни с трудом, который стал необходимой потребностью в духовной жизни человека.

В этой пьесе есть то новое, которого так не хватало многим героям, населяющим советскую сцену, — благородства души рабочего человека, интеллекта на уровне духовного богатства нашего современника, ликвидировавшего мелкосопочные инстинкты и пережитки. Нашего современника Сергея отличает от его предшественников коммунистическая нравственность и умение видеть в маленьком самом большем, то есть ответственность за судьбу человечества. А новые качества пьесы в целом заключаются в том, что труд человека выражен здесь не внешне, со всеми машинками, станками, грязной одеждой и замасленным лицом, но иллюстративно, когда все время герои говорят о труде, информируя зрителя о своих целях, — нет, в этой пьесе труд органически

вошел во всю физическую и духовную структуру человека, он стал неотделимым от его бытия и сознания. Здесь и романтика труда, и его сложность. Машинка ощущается, представляется как друг человека, и человек, знающий машинку, постигший ее тонкие окружающие.

Так в пьесе решена самая значительная для сегодняшней драматургии проблема — создан образ настоящего героя в своем единстве, в своих общественных закономерностях. Без нажима, без преднамеренного учета черт положительных и черт, оставшихся от прошлого, перед нами возникает образ живого человека, который при самом высоком интеллекте может любить простую и легкомысленную девушку, угадать в ней большую душу, может ударить хулигана, обижавшего ее, может рассуждать о высоком гуманизме, о героях классических трагедий. И, может быть, говоря о современниках, о людях мужественных и нежных, драматургу стоит избежать ненужной сентиментальности, умилненного любования своими героями.

«Иркутская история» — это повесть о том, как в человеке рождается новое, коммунистическое, и это история, которая началась не сегодня, а в 1917 году, когда труд стал свободным, и эта история человека ведет в будущее, к высотам коммунистической сознательности, к коммунистическому отношению к труду.

Итак, мы найдем нашего современника в числе героев, появившихся на сцене театров в 1959 году. Он, конечно, несообразен с масштабами жизни, живыми героями этих лет, и все же тот любознательный человек, о котором шла речь в начале статьи, сможет узнать о времени и людях из театральных постановок этого сезона.

Из многого наш читатель возьмет немного, может быть, какие-то крупицы, но по этим драгоценным крупичкам он угадает живых людей, деяния которых предопределили дальнейшее поступательное движение к высотам коммунизма.

1960 г. начался в московских театрах активное. Новые пьесы Рогова, Штока, Влинова, Хмелька дают основания для добрых надежд на будущее.

Художники Курьянины создали шутливую серию рисунков под названием «От Ренессанса до абстрактивизма». Это своеобразные шаржи-портреты знаменитых художников всех времен. Сегодня мы публикуем один из рисунков этой серии — «Рубенс».

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

ПЕРВАЯ книга Марины Прилежайевой на историко-революцион и у тему «С берегов Медведицы», посвященная детству и юности Михаила Ивановича Калинин, справедливо получила хорошую оценку. Повесть, в отличие от других произведений подобного рода, перешагнула узкие рамки биографического жанра. Получилось увлекательное, интересное повествование о русском крестьянстве и рабочем классе конца прошлого века.

Вскоре появилась небольшая по размерам, но очень емкая, талантливая написанная вторая книга М. Прилежайевой «Начало» — о деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

«С берегов Медведицы» истинно законная многообещающая строчка, когда петербургские ученики были темны и пусты, слепо глядели черные окна домов, к чугунным воротам завода «Старый арсенал» на Литейном проспекте с разных сторон стелся рабочий народ. Новый рабочий влился в человеческий поток. Часовой в тулупе, с ружьем поглядывал его пропуск. Помослив палец, раскрыл паспорт и, запоминая, вслух прочитал: — «Калинин Михаил Иванович».

Посторонился: — Входи, Михаил Иванович!

Калинин вошел в 1933 года. Это было осенью 1933 года, когда в Петербург на революционную работу приехал с Волги молодой Владимир Ильич Ленин.

Эти последние строки казались заявкой на новое произведение. Читатель, полюбопытствовав повесть «С берегов Медведицы», ждал, как же сложится их жизнь дальше? Что будет делать вошедший в заводские ворота молодой рабочий Михаил Калинин?

И вот перед нами роман М. Прилежайевой «Под северным небом». Писательница не указала, что ее новое произведение — продолжение повести «С берегов Медведицы», но об этом догадываешься с первых же страниц.

Роман М. Прилежайевой населен интересными людьми, с ними приятно знакомиться, их судьбы волнуют, их характеры прочно запоминаются.

Озорная, развеселая работница Тонька. Никого она не боится — ни боги, ни черта и даже всесильному мастеру Шульцу победолепа «шучу» шлом пропоровит», если слова «попробуй и шей» утравивать. Видишь ее насмешливую улыбку, легкую походку — хороша удача! Девчонка.

Полюбит читатель пропагандистку Юлию — «Марью Васильевну», беспрестанно пробравшуюся с другого конца Питера на нелегальную сходку пуде.

М. Прилежайева «Под северным небом». «Юность», № 9, 10, 11, 1959.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

об отношениях между Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной, о их дружбе, взаимной трогательной заботе и нежной любви. Но, взяв, главным образом, только эту одну общечеловеческую сторону жизни, она невольно обделила образы Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Художественная ценность исторического романа складывается из многого, в том числе и из того, насколько полно, ярко автор восстановил эпоху, в которой действовали его герои.

В связи с этим хочется отметить один большой просчет М. Прилежайевой. Именно просчет, а не отсутствие изобразительных средств, красок и т. д. Что же это за просчет? Впервые его М. Прилежайева допустила в повести «С берегов Медведицы». В этой повести писательница не коснулась многих событий, имевших не только всероссийское, но и мировое значение. А возможности у нее для этого были самые разнообразные. Вот, например, одна из таких возможностей.

М. Прилежайева много места уделила быту помещика и генерала Мордухай-Болтовского. Семья Мордухай-Болтовского состояла из разных людей: генерала, сына-кадета; но в ней была и жена, писавшая рассказы из сельской жизни; были хотя и по-барски, но все же волюнтаристские дети. Такая семья не могла не испытывать влияние духа времени. И странно, что члены этой семьи и никто из действующих лиц повести не обмолвились о событиях, волновавших всю Россию. — о 1-м марта 1881 года, когда по приговору «Народной Воли» был убит Александр II, о деятельности обер-прокурора святейшего Синода Победоносцева, о казни в Шлиссельбурге Александра Ульянова и его друзей, пытавшихся повторить 1-е марта. Писательница лишила себя возможности более широко показать Россию конца прошлого века.

В романе «Под северным небом» М. Прилежайева попыталась более полно раскрыть «армат» эпохи. Общеизвестно, какое огромное впечатление на все русское общество произвела знаменитая «Ходянка». О «Ходянке» в романе рассказывается с излиянием, а кое-где и с невероятными подробностями. И именно потому, что только рассказывается, это не производит впечатления, принимается как «вставной» номер.

Решения — не рецепт, но делается, что если бы в романе, допустим, появился человек, лично переживший «Ходянку», человек, а не переписанный «тысяч истоптанных трупов», «Ходянка» бы вошла в роман вынужденно и ярко.

И еще одно замечание. Первый съезд РСДРП, происходивший 1 — 3 марта 1898 года в Минске, фактически партии не создал, но он ее провозгласил, и это имело большое политическое и революционно-пропагандистское значение. В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» говорится, что «сообщение об образовании партии было повсеместно встречено социал-демократами с огромной радостью».

А в романе М. Прилежайевой это событие описано почти как будничное, рядовое.

ТАКОВЫ успехи и неудачи нового романа М. П. Прилежайевой «Под северным небом».

Успех — правдивые, живые образы героев. Неудача — недостаточное проникновение в эпоху.

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ Л. И. УСПЕНСКОГО

Исполнилось 60 лет со дня рождения писателя Льва Васильевича Успенского. Секретариат правления Союза писателей РСФСР направил юбиляру поздравительное телеграмму, в которой говорится: «От имени писателей Российской Федерации сердечно поздравляем Вас, талантливого советского прозаика, неутомимого борника чистоты русского литературного языка, со славным 60-летием. Желаем Вам, дорогой Лев Васильевич, доброго здоровья, долгих лет жизни, новых творческих радостей».

Л. ЛЕВИЦКИЙ

Даже простое перечисление некоторых фактов из деятельности В. И. Ленина за 1895 год дает яркое представление о его кипучей энергии. Лето 1895 года он провел за границей. Он успел побывать в Швейцарии, Франции и Германии. Он встречался с Плехановым, Аксельродом, Лафаргом... В Россию В. И. Ленин возвращается в сентябре и привозит в чемодане с двойным дном марксистскую литературу. Он посещает Вильно, Москву, Орехово-Зуево, наконец — Петербург...

Всю осень и первую половину зимы — до дня ареста — Владимир Ильич в неустанных трудах: пишет статьи, руководит совещанием членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», подготавливает издание первого номера нелегальной газеты «Рабочее Дело». В начале декабря печатается брошюра В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». И, наконец, находясь в камере дома предварительного заключения, он начинает работать над книгой «Развитие капитализма в России».

Здесь неизбежно возникает «вечный» вопрос: можно ли упрекать автора художественного произведения за то, что он не написал?

Безусловно, автор, в том числе и произведения на историко-революционные темы, свободен выбирать из жизни подлинной исторической личности такие факты, которые, по мысли автора, наиболее полно бы раскрывали характер этой личности.

М. Прилежайева хорошо рассказала

надо писать и описывать заново.

Но долгую жизнь товарища Ленина

и опусывать заново.

Да и Географизма есть еще над чем потрудиться. И раздвоенное «Гутешество» из Петербурга в Москву, и пушкинское «Гутешество в Арзруме», и даже «Итальянские сказки» Горького не без успеха могут быть препарированы в духе ничем не запятанной географии, с изъятием «насти фона».

Пока эти планы вынашиваются и приводятся в действие, кому-нибудь из наших издателей не мешало бы выпустить «Зеленые холмы Африки» в том виде, в каком эту книгу написал автор. Тем более, что у нас немало читателей, которые смеются в одном лице интерес к охоте и географии с любовью к литературе.

Л. ЛЕВИЦКИЙ

ГЛЕЗОС И ТРАГЕДИЯ ГРЕЦИИ

Р ЕДКО случалось, чтобы судьба одного человека волею судьбы оказалась такой полнотой судьбы поколения, целого народа, как судьба Манолиса Глезоса. Его мужество, его величие, его трагедия — это мужество, величие и трагедия моей родины.

...В ночь с 30 на 31 мая 1941 года Глеzos сорвал ненавистную свастикку. Когда он подымался на Акрополь, шаг его отдавался эхом шагов миллионов — это шаг греческой народ, чтобы воздвигнуть на священном холме гордое знамя Сопротивления.

Манолис Глеzos, неизвестный тогда солдат Эллады, исполнив свой долг, скромно занял свое место в рядах борющейся молодежи Афин. И только 25 марта 1945 года — в день национального праздника — впервые греческий народ узнал имя своего достойного сына.

Но имя героя одновременно узнали те, кто прислуживал оккупантам, и те, кто являлся в Грецию с эсминцами, самолетами «Спитфайер» и танками «Шерман», чтобы «освободить» нашу страну к тому моменту, когда продвижение на Балка-

ны Советской Армии-освободительницы в наступлении уже Сопротивления, уже вынудили оккупантов задолго до этого покинуть территорию Греции.

После этого второго «освобождения» руки человека, разорвавшего свастикку, ушли знакомые с наручниками гестапо, познанные новые оковы — на сей раз с фабричной маркой «свободного мира».

В 1949 году ему был вынесен второй смертный приговор. Борьба греческого народа и гневный голос миллионов спасли тогда жизнь Манолиса. Но не успели руки его погладить голову сына Никоса, как на них снова надели наручники.

Его собирались по обвинению в эсхионаже приговорить к смерти. Но на защиту Манолиса вновь встал весь мир.

«Если сегодня я обращаюсь к вам, будучи осужден менее тяжко... а мои товарищи не приговорены к смерти, — то лишь потому, что вы, совесть Греции и всего мира, не позволили случиться худшему», — эти слова Глезоса из его последнего письма людям доброй воли еще раз показыва-

ют, какую силу обрела в наше время солидарность народов, совесть человечества.

Однако это письмо Манолиса, проникнутое глубокой тревогой за судьбу демократии в Греции, вызвало бешеную войну греческой реакции. Решение афинского суда Манолис Глеzos был осужден еще на 7 месяцев тюрьмы, а новый редактор газеты «Авги» Леонидас Киркос, опубликовавший это письмо, — на 5 месяцев. Это решение принято накануне пересмотра дела Глезоса и его товарищей в ареопаге...

В древние времена афиняне с гордостью говорили, что даже боги обращались с доверием в ареопаг за разрешением своих споров. Я не уверен, что сегодня эти боги рискнули бы обратиться в верховный суд, который ныне рассматривает кассационную жалобу Глезоса и других демократов.

Взрыв греческого народа и мирового общественного мнения снова обращены к

Афинам. Сердца простых людей требуют справедливости. Решение ареопага покажет, сохранилось ли для демократии, имя которой дала Греция, на ее родной земле хотя бы это убежище.

Как участник Сопротивления, которого те же реакционные силы держат вместе с десятками тысяч греческих патриотов вдали от родины, как друг Манолиса, еще два года назад пожизненный его мужественную руку, я вижу ныне Глезоса стоящим перед судьями ареопага. И я вижу не одного несгибаемого человека с черными волосами над бледным высоким лбом, с задумчивым взглядом и спокойными движениями. Я вижу все наше поколение, поколение Сопротивления, приснеся Греции достоинство и славу; оно стоит перед ареопагом, не моля о милости, а требуя справедливости. Оно обвиняет. Обвиняет от имени сотен тысяч греков, павших, чтобы жила Греция, и имени тысяч борцов Сопротивления, уже пятнадцать лет погребенных жизнью за то, что они остались верны идеалам войны против фашизма.

Передо мной «Авги» от 28 февраля с пламенным письмом Манолиса. И я словно слышу его уверенный голос, звучащий из тюремной камеры на весь мир:

«Свободные люди всей земли!

...Я чувствую, что дальнейшее заявлять еще раз, что преследования, которым мы подвергаемся, являются результатом слепой политической преданности и что приговор нам — несправедлив... Конечно, устранение подобной несправедливости было бы победой правосудия. Однако в нашем случае дело имеет гораздо более широкий характер. Оно является показателем общего трагического положения в стране и трагедии демократии в Греции... Готовится что-то худшее. Немцы возвращаются, и к этому подготавливается почва».

Время событий

АНГЛИЙСКОЙ пословице: «Птицы с одинаковым оперением слетаются вместе» соответствует испанская пара: «Смысл их один и тот же: рыбак рыбака видит издалека...»

Как жизнь подтверждает справедливость этих народных поговорок, можно проследить на примере Испании. В восточной генерал Франко слетаются фашистские стервятники из разных стран. Немало убитых и предателей, по которым давно платят веревка, нашли себе после войны приют в Испании. Недавно стали известны новые факты о старых именах. О них рассказал американский журналист «Нью лидер», 29 декабря 1959 года в

ПРИУТ ДЛЯ УБИЙЦ

публикуем еженедельно мадридской газетой «Я» списке умерших появились знакомая миру фамилия: Павлики. Да, тот самый Анте Павелич, который руководил в Югославии террористической организацией усташей и который организовал убийство французского министра иностранных дел Луи Барту в 1934 году. Гитлер назначил Павлича «поглавником» так называемого «независимого хорватского государства», созданного фашистами в 1941 году. Этой военной преступник виновен в убийстве полутора миллиона человек, включая женщин и детей, согнанных в концентрационные лагеря.

Сразу после второй мировой войны Павлич искался в Италии, затем — в Аргентине и Парагвае, а там его след затерялся. И вот оказалось, что он нашел себе последнее прибежище во франкистской Испании.

Другой военный преступник, спасающий свою шкуру в Испании, — такова нынешняя Испания.

Убийца людей надо при помощи утонченной техники и сохранения хладнокровия... Война — не тема для критических размышлений и суждений. Не нужно задавать вопросы о ее причинах, целях, конечных результатах или последствиях.

Прочно утвердилось в учебных программах западногерманских школ так называемое «изучение Востока». Вот как характеризует этот «предмет» журнал «Кейт унд цейт»: «С этим изучением Востока протренируется к новой жизни главный лозунг нацистов. Оно призвано служить не достижению взаимопонимания с Востоком, а поддерживать воспоминания об утраченных восточных областях, причем ход мысли примерно такой: эту префектурную землю мы потеряли, Советский Союз препятствует ее возвращению. Такая установка, естественно, должна вызвать ненависть к нашим восточным соседям».

С обострением равнинской вершки школы ФРГ все более превращаются в очаги разнузданной антисемитской пропаганды.

ШКОЛЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

«Я ХОТЕЛ бы иметь атомную бомбу, чтобы сбросить ее на Россию», заявил 14-летний гамбургский школьник после урока истории. Это скромное желание многообещающего юного атомщика было высказано им под непосредственным впечатлением антикоммунистических и антисемитских разглаговительных педагогов.

Такого рода «плоды просвещения» в западногерманских школах, к сожалению, не единичны. Недавняя учительская конференция в Гамбурге констатировала: «идеи» фашистских людоведов Гитлера, Розенберга, Штрайхера еще живы в школах. В Гамбурге среди 200 учащихся старших классов был проведен опрос об их отношении к гитлеровскому режиму. 36 процентов опрошенных высказались против фашистской диктатуры, но 27 процентов квалифицировали ее как смешение добра и зла, а 9 процентов объявили себя безоговорочными сторонниками «третьей империи».

Уделяется отравлению подрастающего поколения ядом фашистской идеологии не приходится, ибо воспитание юности доверено в боннской республике бывшим нацистам.

«Начиная с 1950 года, — пишет западногерманский журнал «Гейст унд цейт», — мы сталкиваемся с таким фактом, когда почти все старые нацистские учителя снова возвращаются на свои должности, хотя бы они и были в прошлом крайней.

Возвратившийся из Бергена в Осло М. А. Шолохов присутствовал на премьерном кинофильме «Тихий Дон».

В связи с пребыванием М. А. Шолохова в Норвегии в советском Осло состоялся большой прием. На приеме, прошедшем в очень теплой, непринужденной обстановке, присутствовали представители норвежской общественности, писатели, артисты, деятели культуры, а также деятели советского кино, режиссеры, кинооператоры, представители обществ Норвегия — СССР, представители Министратства иностранных дел Норвегии, местные и иностранные журналисты.

13 марта М. А. Шолохов выехал поездом из Осло в Швецию, в город Гетеборг, где он выступит перед студентами Гетеборгского университета.

Свободу патриотам Испании!

Я протестую!

Фашисты понимают, что Испания ускользает из их рук. Пала «стабилизация» осуществлением правительства, ведет страну к экономической катастрофе. Угрожающее растет число безработных. Все более расширяется среди испанцев движение демократии и мирного сосуществования с а н и я. Близость роста демократических сил, возмущения народа, франкистское правительство развернуло кампанию жесточайших репрессий. Арестованные подвергаются мучительным допросам и пыткам.

Особенно неосторожны полицейские в своих репрессиях против молодежи, репатрированной из Советского Союза, а также против наиболее талантливых людей на рабочих, крестьян и интеллигенции, против художников, скульпторов, прогрессивных поэтов. Это подлинная трагедия Испании, скванной 20-летней фашистской диктатурой.

Я возмущаюсь и горячо протестую против всех этих преступлений. Я протестую ко всем, кто требует свободы испанским узникам!

Альберто САНЧЕС, испанский скульптор

«Этот террор — позор для Испании XX века» — так заявила на митинге испанцев, проживающих в Москве, преподавательница Московского университета Элоина Рапп. Ее брат в числе многих других репатриантов из Советского Союза брошен франкистской полицией за решетку. 500 испанских патриотов арестовано Франко за последние месяцы. Многие из них подвергаются избиениям и издевательствам.

Ниже мы публикуем интервью с испанскими товарищами, проживающими в СССР, и выдержки из писем, полученных из Испании. По понятным причинам имена адресатов опущены.

Письма оттуда

...Ты, наверное, уже знаешь об аресте Аугустина Гомеса, Призо — того самого, что пел вместе с тобой, Рамоном, двоюродного брата Паулины, и многих других. Услышав об этом, их друзья-репатрианты написали протест и подписали его, и тут же трое из них были посажены в тюрьму. Это были Луисита — жена Зухекки, Нубреда и Рамон — брат Аугустина. Вот такие дела.

Столько обещаний и торжественных слов было дано, что вернувшись из СССР не будут преследовать, а их не только преследуют, но допрашивают, как преступников, бросают в тюрьмы, избивают до полусмерти. Когда адвокат захотел убедиться в том, что Аугустина действительно избивали, ему ничего не удалось узнать — арестованного уже перевели в Мадрид. Очень много выстрадал и Призо. Его тоже избивали.

Времена наступили тяжелые. Каждый ждет, что сейчас за ним придет. Эти юноши и девушки мечтали вернуться на родину после стольких лет разлуки, а зачем? чтобы ни за что садились в тюрьму?

Многие из тех, кто вернулся в Испанию, если бы им разрешили, уехали бы в Советский Союз, потому что там их настоящая родина: в этой стране они выросли, стали людьми, а земля, на которой они родились, отказывается от них, их бросают в тюрьмы и без всякой причины заставляют страдать. Репатриантов преследуют только за то, что они приехали из России.

Мужайтесь, земляки!

Я всем сердцем, помыслив и душой вместе с нашими мужественными товарищами, брошенными во франкистские застенки. Я верю, что люди во всем мире поднимут вместе с нами голос протеста в защиту испанских патриотов. Это святая обязанность каждого честного человека — сделать все, чтобы добиться освобождения эмигрантов, добитых амидистия политическими заключенными. Нельзя допускать, чтобы палачи Франко избивали и мучили ни в чем не повинных людей.

Я хочу воскликнуть так, чтобы мои слова прокатились через тюремные стены:

Мы с вами, дорогие земляки, братья и сестры!

Свободу испанским патриотам!

Армонию ГАРСИА, студентка ИГУ, дочь прославленного испанского героико-патриота Кастро Гарсия Роса, расстрелянного фашистами

КРОВЬ И ТЕРРОР

Террор в Испании... Не свойствен ли ей сегодня так же, как холод лопосу или жара тропикам? Франкистский режим такое же, как он был и каким он будет до тех пор, пока народ с позором не зареет его в могилу.

Тюрьмы переполнены патриотами-антифашистами. Репрессии обрушиваются на коммунистов и социалистов, республиканцев и либеральных демократов. Недавно был подло гарротирован (публичная казнь посредством удушения) один республиканец. Позднее были расстреляны два антифашиста. Саячес Монтеро, член Исполнительного комитета Коммунистической партии Испании и другие товарищи приговорены к многим годам тюремного заключения каждый.

Лозунг «Смерть интеллигенции!» действует, как и в дни предательского убийства Гарсия Лорки. Интеллигенция я сопротивляется я режиму цензуры, мракобесия, изоляции, а режим отвечает ей репрессиями. «Надо бы засади в тюрьму всех поэтов», — сказала один официальной и детский. Один из лучших поэтов молодого поколения Хосе Луис Гальегос томится в тюрьме Бургос уже десять лет. В Барселоне арестован молодой писатель Луис Гойтисоло...

Ныне жертвами стали молодые испанцы, репатрированные из Советского Союза: инженеры, техники, специалисты, квалифицированные рабочие... Испанское Общество Красного Креста гарантировало советскому Обществу Красного Креста, что репатрированные не будут подвергаться репрессиям и дискриминации. И вот теперь их высокие моральные качества, знания, гуманное отношение к окружающим их людям оказались опасными для фашизма.

По всему миру, а также в Советском Союзе громко звучат голоса во имя справедливости. Люди пишут в Организацию Объединенных Наций, в Международную организацию Красного Креста... Мы возмущены арестами наших молодых и мужественных соотечественников, которые еще недавно жили и трудились вместе с нами здесь, в Москве. Мы испускаем к ним глубокую любовь, искренне гордимся их героическим поведением.

Сесар АРКОНАДА, испанский писатель

Фривольность, факты и фантазия

НЕСКОЛЬКО месяцев тому назад американский журнал «Нью-Йорк» поместил на своих страницах рецензию видного английского театрального критика Кеннета Тайнена на книгу Фобона Бауэра «Бродвей, СССР (Театр балет и развлечения в сегодняшней России)».

Кеннет Тайнен не бывал в Советском Союзе, и естественно, что его суждение о книге Бауэра было в значительной степени интуитивным. Поэтому, дав книгу общую отрицательную оценку, Кеннет Тайнен счел своим долгом отметить:

«...Я подозреваю — или надеюсь, — что мистер Бауэр писал воровал. Как это или нет, но во многих местах книги проверка не помешала бы».

Для нас, советских людей, проверить истинность суждений Бауэра представляется тем более интересным, что во время пребывания в Советском Союзе автор книги заявил в своей интервью представителю газеты «Советская культура», что всячески поддерживает «мысль о необходимости знать друг о друге как можно больше...». Давайте поэтому полюбопытствуем, какой вклад вносит Бауэр в дело лучшего взаимопонимания между нашими народами.

Отговоримся сразу: мы ни в малейшей степени не собираемся спорить с автором книги по вопросам вкусовых оценок. Ему может нравиться одно, нам — другое: о вкусах, как известно, не спорят.

Обратимся к фактам. Тем самым фактам, на основе которых только и возможно, как нам кажется, делать обобщения и выводы.

Первое, что придется в связи с этим отметить, это удивительную для крупного ученого, наковым почитается Фобон Бауэр, нелюбовь к фактам. Характер у меня, в сущности, фривольный... — жизнепадоство заявляет автор книги, — и меня больше интересует приятное времяпрепровождение, а не сбор фактов и информации».

Простодушная искренность, с которой это сказано, хоть и заставляет на мгновение вспомнить Ивана Александровича Хлестакова («Ведь на то живешь, что

бы срывать цветы удовольствия»), делает тем не менее честь автору. Однако на одной искренности, а тем более на «фривольности», двухсотдвадцатитрехстраничную книгу не напишешь. Без «фактов и информации», с какой бы неприязнью к ним ни относиться, не обойтись. И вот тут-то высказываются на свет божий знаменитый, солидный и заслуживший уже не одному поколению зарубежных авторов источник информации: «некий русский» («a Russian»).

Этот загадочный персонаж взрывается и многолик. Только изредка обретает он какое-то подобие плоти и крови, будучи представлен нам то как «продавщица в табачной лавке», то как «подрядчик-строитель». В большинстве же случаев эта личность «фигуры не имеет». Этот «некий русский» тоскует по всему «денежному», и предпочитает всем прочим видам искусства «развлечения» («entertainments»), скорбит вместе с автором книги о том, как мало их в Москве («Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечения?» — спрашивает Хлестаков). Эта высококультурная личность признается: «Когда я слушал «Порги и Бесс», я впервые ощутил, что такое опера», рассказывает грязные анекдоты о советском искусстве и высокомерно бранит при посещении Театра Советской Армии: «Только рабочие и солдаты ходят сюда». Приняв на миг облик «некоей кинозвезды», эта же неутомимая и незаменимая для целей автора книги особа в порыве ироничной откровенности (Хлестаков: «...с корешочками антракиса знаком») сознается, что «когда ей предстоит поцеловать героя (готовящегося кинофильма. — Я. Б.), она не в состоянии заснуть всю ночь перед съемкой, хотя в действительной жизни имеет любовника».

Столь драгоценное свидетельство показание дает возможность Бауэру сделать следующий глубокомысленный вывод: «В государстве, где внимание направлено только на хорошее, а сомнительное заточено в секретность спален, настоящий поцелуй, кото-

рым живые актеры обмениваются перед самими вашими глазами, произведет, вероятно, о, сильный эффект».

(Помните, у Гоголя: «Целуются! Ах, батюшки, целуются!»).

Таковы источники информации, которыми пользуется Фобон Бауэр. «Подозрительность, которой окутано то, что делают коммунисты, побуждает его искать (и находить) «секретности» не только в чужих спальнях, куда мы за ним не можем последовать, но и в целом ряде явлений театральной и околотеатральной жизни, вход куда доступен и нам. Переходя от «информации» к «фактам», автор сообщает (мосьвичам, вероятно, небезынтересно будет об этом узнать), что «со свойственной русским склонностью к секретности Большой театр никогда не объявляет заранее фамилии артистов» (заявляет в спектакле), что газеты никогда не сообщают о репертуаре московских театров.

Так обстоит дело с московскими «секретами».

Переходя от «тайного» к «явному», Фобон Бауэр обвиняет деятелей советского театра в том, что они эламерно и в пропагандистских целях извращают произведение классической, современной западной, да и советской драматургии. О беспечности этого обвинения достаточно убедительно говорится в упоминавшейся нами рецензии Кеннета Тайнена: приведи негодуящее описание автором книги одной из сцен московской постановки «Гамлет», где Лаэрт врезается в Эльсинор во главе вооруженного народа, критик замечал: «Но это же не искажение, а именно то, что предусмотрено Шекспиром». Всякий, кто мало-мальски знаком с творчеством Шекспира, несомненно, согласится, что финальное рукопожатие Монтеки и Капулетти также «предусмотрено Шекспиром», хотя Фобон Бауэр тщится увидеть в этом искажении трагедии, предпринятое с целью якобы обязательной в советском театре «счастливого конца». Автор книги не боится поставить себя в смешное положение перед американскими читателями, когда заявляет, что в спектакле Художественного театра «Осенний сад» были введены с пропагандистской целью два не предусмотренных автором

персонажа: слуга-негр и горничная-нема. Хотя, заглянув в английскую текст пьесы, он с легкостью мог бы убедиться, что Лилиан Хеллман («предупотрела» появление обоих этих персонажей).

Во всех этих случаях западному читателю нетрудно, при желании, протянуть руку к книжной полке и почитать Фобона Бауэра с полными. В отношении пьес советских драматургов сделать это труднее — не на всякой книжной полке их сыщешь, — и чувствуя свою беззащитность, автор книги ошарашивает читателя таким наскандом фантастических выдумок, перед которыми бледнеет сам Хлестаков с его жалким сулом из Парижа.

Вот попадаются, скажем, в поле зрения пьесы Маяковского, поставленные в Театре сатиры. Об одной из них («Мистерия-Буфф») автор, правда, заявляет, что «нашел ее исключительно трудной для понимания», но с двумя другими расправляется с легкостью. «Бывший партиз» — так, в полном согласии с автором пьесы, назван в театральной программе Прыпыкин из «Клопа». «Безобразия!» — возмущается Фобон Бауэр. — Извратили Маяковского: у него нет слова «бывший». Ну что на это скажешь. Только руками разведешь. Или вот «Баня». Десятки тысяч зрителей просмотрели этот спектакль, но только Фобону Бауэру удалось заметить в нем «уморительно смешную сцену, где голые актеры, прикрывшись полотенцами, расхаживают по общественной бане, стегая себя березовыми вениками и облекая душу хитроумными замечаниями о своей жизни». Ох, как хочется облегчить душу самим незамысловатым замечанием: «Нельзя! бумага! Впрочем, если она этаке стерла, — стерпит и все остальное».

И она, действительно, терпит, бедная многострадальная бумага. Терпит, например, когда пьеса Тренева «Гимназисты» превращается под пером Фо-

бона Бауэра в пьесу «Гимнасты» и соответственно с этим (надо же, как и в случае с «Баней» оправдать название!) повествует уже не о событиях 1905 года, а о современных советских школьниках, которым «приказано заниматься физическими упражнениями, развивающими силу и ловкость».

Было бы несправедливо по отношению к автору книги не упомянуть о том, что зрелищной его простирается не только на драматический театр, но и на оперу, балет, оперетту, симфоническую музыку, цирк. Он, например, с уверенностью заявляет: «Как хорошо известно, Россия была одной из последних стран Европы, сохранивших в художественном отношении. Глинка, отец русской музыки, начал свою деятельность только в 1860 году. Его не смущает, как видим, то обстоятельство, что «как хорошо известно, Глинка умер за три года до названной им даты».

На последней странице книги Фобон Бауэр в внезапном порыве откровенности сознается: «Я не уверен... написал ли я правду, настоящую правду». Пусть и в дальнейшем пребывает он в этой приятной неуверенности — это его дело. Не стоит думать, разумеется, призвать большое значение попытке шаловливого и невежественного вертопраха «заумствоваться», как говаривал Хлестаков (с иной раз прозой, а в другой и стихами выкинутая), и даже, в противоположность Хлестакову, издать свои «заумствованья». Но хотелось бы, чтобы честные деятели американского театра, которым адресована книга Бауэра, сумели расширить ее по достоинству, как это удалось сделать их английскому коллеге. Хотелось бы также думать, что процесс взаимопонимания и культурного обмена между народами Советского Союза и США будет продолжаться и впредь, как бы ни мешали ему — волю или неволю — отдельные безответственные и «фривольные» выступления.

Я БЕРЕЗНИЦКИЙ

Главный редактор С. С. СМОРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЬ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИН, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), В. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.